

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА

АРСЕНЬЕВА

БАБОЧКИ
КРЕЗА

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Бабочки Креза

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

Бабочки Креза / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2008 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-28413-9

Напасти обрушились на писательницу-детективщицу Алёну Дмитриеву, когда она зашла в парикмахерскую, соблазнившись красивой вывеской – «Мадам Баттерфляй». Сначала ее постригли чуть ли не налысо, а потом тут же случайная знакомая наняла Дмитриеву для расследования преступления, совершенного... в прошлом веке. Речь идет о легендарной коллекции бабочек, сделанных из золота и драгоценных камней. В процессе расследования Алёне пришлось открыть для себя науки, посвященные бабочкам и минералам, окунуться в греческую мифологию, пережить покушение на собственную жизнь. Но прекрасные бабочки Креза стоят таких жертв, в этом писательница убедилась, как только увидела одну из них...

ISBN 978-5-699-28413-9

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Елена Арсеньева Бабочки Креза

Бесплотнее, чем время, беззвучней ты.

И. Бродский

*Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень, и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?*

А. Тарковский

– Ну и что? – холодно спросила Алёна, глядя на нечто, смотревшее на нее из зеркала. – Предполагается, что я запрыгаю сейчас от восторга?

– Минуточку... – сказал молодой человек, отражавшийся к зеркалу рядом с этим нечтом. Он снял с нечта веселенький розовый пенюар и предупредительно взялся за спинку кресла, готовый его отодвинуть, чтобы нечту было удобнее встать. – Теперь прыгайте, прошу!

Ни нечто в зеркале, ни Алёна в кресле не шевельнулись.

Молодой человек с бейджиком, на котором было написано «Сева», поднял безукоризненные брови, явно удивленный, что не видит ни прыжков, ни восторга. С такими бровями люди обычно не рождаются, как не рождаются солдатами. С такими бровями они *становятся* по своей доброй воле после тщательного их, бровей, выщипывания, подбривания и подкрашивания. Обычно данной экзекуции с готовностью, обусловленной многолетней привычкой, подвергают себя женщины. Молодой человек относился к редким представителям противоположного пола, которые придают своей внешности суперважное, можно сказать, основополагающее значение. Впрочем, на нем вообще пробы ставить негде было, начиная от бровей и кончая покрытыми лаком ногтями на пальцах ног, видных из умопомрачительных сандалет на платформе.

«Боже, ты все видишь, – безнадежно подумала Алёна. – Но где были *мои* глаза?! Поспешись – людей насмешишь, вот уж воистину!»

Она спешила. Она всегда спешила! И жить торопится, и чувствовать спешит – это не про Евгения Онегина, это про Алёну Дмитриеву, точнее, Елену Ярушкину, одну такую писательницу-детективщицу средней степени известности. А поспешишь, как известно и как упомянуто выше, – людей насмешишь. Так вот глядя на нечто, смотревшее на нее из зеркала, Алёна уже и смех слышала, и разинутые от хохота рты видела.

– Вы просто не привыкли к своему новому образу, – сказал Сева. – К тому же, мадам, если вы были не готовы к резкой смене имиджа, вряд ли стоило идти стричься в экспериментальный салон.

– Да, не стоило, – согласилась Алёна. – Но в той парикмахерской, куда я обычно хожу, авария – нет воды. Мне нужно было подстричься, ну я и зашла в первую попавшуюся, а вы как раз оказались свободны...

– Вам повезло! – высокомерно сообщил молодой человек. – У меня расписан каждый час на месяц вперед. Но сегодня клиентка попала в аварию – ее «Мазду» срочно повезли в автосервис, – а потому она позвонила и сообщила, что не приедет. Вы бы слышали, как она рыдала из-за того, что вынуждена пропустить свое время!

Бровям Алёны Дмитриевой было очень далеко до бровей Севы. Во-первых, она их не красила, во-вторых, не подбривала, в-третьих, иногда даже забывала элементарно выщипывать. Однако поднимать умела не менее выразительно и даже, не побоимся сказать так, весьма

красноречиво. Сейчас ее поднятые брови сообщали о сомнении, будто дама рыдала по поводу отменившейся стрижки. Даме явно машину было жалко, вот и все.

Однако же и самомнение у этого Сева!

Между прочим, само имя такое – порождающее самомнение. Алёна знала пару, так сказать, носителей данного имени, и они оба жутко задирали носы. Примеры из истории (Всеволод Большое Гнездо) и из литературы (Всеволод Вишневский) не являлись исключением из общего правила. С другой стороны, у последних двух Сев имелись все основания для высокого самомнения. У прочих – не факт...

– С другой стороны, если вам так не нравилось то, что я делаю, давно нужно было сказать, – брякнул в ту минуту Сева. И совершенно напрасно брякнул.

– Да неужели?! – так и взвилась Алёна. – Да я вам сто раз повторяла: не надо так коротко! Но вы продолжали щелкать ножницами, вас было просто не остановить! Не пойму, вы с плана сдачи остриженных волос работаете, что ли? – Алёна ткнула пальцем в кучку темно-русых прядей, которые уже сметала в совочек проворная уборщица.

Кучка собралась немалая. Алёна носила волосы средней длины, примерно до плеч. Сейчас же ее голову плотно облегла пушистая курчавая шапочка, напоминавшая прическу негрятки.

В детстве у Лены Володиной, как звали в ту пору нашу героиню, была кукла-негрятяночка Салли. Теперь Алёна смотрела на себя в зеркало и вспоминала детство. Одно утешало: в порядке эксперимента Сева не покрасил ей волосы в черный цвет и – для резкой смены имиджа – заодно не вычернил ей кожу, не то сходство с Салли стало бы полным: у куклы было совершенно такое же глупо-ошарашенное выражение курносого личика, как сейчас у Алёны.

– Я с самого начала, когда села в кресло, предупредила: хочу подстричься чуть-чуть. Чуть-чуть, понимаете?! Только форму волосам придать. А вы что сделали?

– Между прочим, у вас череп удивительно красивой формы, и ваша новая стрижка ее только подчеркнула, – высокомерно сообщил Сева. – Будь моя воля, я вас просто-напросто наголо обрил бы. Такой череп, как у вас, грех скрывать от окружающих. Но я предвидел вашу ортодоксальную реакцию и не стал предлагать вам ничего подобного. На самом деле во всем виноваты ваши волосы. Я и вообразить не мог, что они так круто выются. По моему замыслу, короткие пряди должны были мягко облегать череп, а...

– Если вы еще раз назовете мою голову черепом, я вас... я вам... – Она хотела сказать: «Дам по физиономии», но только процедила сквозь зубы: – Я вам не заплачу за работу. Честное слово! У меня и так есть большое искушение не делать этого, поскольку результат мне не нравится, а уж если еще раз услышу про череп...

– С вас три тысячи пятьсот рублей, – торопливо проговорил Сева и принялся искать на шее Алёны заклепку, фиксирувавшую пеньюар.

– Что? – с трудом пошевелила она вмиг онемевшими губами. – Что вы сказали?

– Три тысячи пятьсот рублей, – повторил Сева. – Включая мытье э-э... головы...

Неужели он хотел сказать – черепа?!

Алёна не стала заостряться на том, что дважды ему повторила, мол, че... в смысле, голова у нее чистая, только утром вымытая. И это была правда, она вообще мыла голову каждое утро, поскольку лишь тогда ее легкие, пышные и кудрявые волосы красиво лежали... Эх, как уместно здесь прошедшее время, однако! Но сейчас не до деталей. Три тысячи пятьсот рублей... Сто евро за то, что тебя обстригли практически наголо, причем даже не спросив твоего на это разрешения!

Помнится, в Париже Алёна позволила себе сходить в парикмахерскую. Всего тридцать пять евро, причем после каждого щелчка ножницами у нее осведомлялись, не коротко ли, нравится ли мадам, а также не дует ли ей из окна (дело было летом) и удобно ли ей сидеть. Сплошная эстетика бытия! А здесь...

Но теперь уже не до эстетики. Теперь вопрос стоит куда серьезней: есть ли у нее с собой такие деньги? Или ей предстоит публичный позор из-за широты натуры и беспечности? Нет бы сначала взглянуть на прейскурант, а уж потом в кресло перед выщипанным Севой плюхаться!

Алёна мысленно обшарила карманы и карманчики своей очень многокарманной сумки – и вздохнула с облегчением: вроде бы позора не будет. Однако в дальнейшем ей придется поприжаться в тратах. С другой стороны, с новой прической на шампунях можно долго экономить...

Алёна скрипнула зубами (ей всегда казалось неестественным упоминание в романах о скрежете зубном, но сейчас она поняла, что фраза как раз весьма жизненна!) и принялась выворачивать карманы сумки. Сева стоял над душой и внимательно наблюдал за ее действиями. Тут же ошивалась барышня из рецепшн, держа руку на мобильнике: наверное, чтобы вовремя вызвать милицию, если скандальная клиентка вдруг окажется неплатежеспособной. С не меньшим любопытством наблюдали за происходящим и прочие посетительницы салона: одна ради такого дела высунулась из-под фена, другая сидела в кресле и крутила головой направо и налево – от Севы к Алёне, – а поскольку ей мелировали волосы и вся голова (череп, а?) была украшена смешными рожками из фольги, казалось, будто за земными проблемами наблюдает некая инопланетянка, а рожки – вовсе не рожки, а антенны, с помощью которых на какую-нибудь там альфу Спика идет передача информации о поведении аборигенов третьей планеты от Солнца. Еще одна дама просто стояла у дверей с озабоченным видом. Когда она чуть поворачивала голову, сквозь ее локоны вспыхивали радужными огнями бриллианты в серьгах. Вроде бы там имели место быть еще какие-то камни, синие. Очень может быть, что сапфиры, да какая разница, главное – это было потрясающе. Алёна непременно разглядела бы серьги получше (она вообще была к серьгам равнодушна, равным образом к бриллиантовым, бижутерии и даже к оригинальной пластмассе), кабы у нее имелось время. Сейчас же ей хотелось как можно быстрее уйти отсюда, чтобы наедине с собой оплакать свою былую красоту. Причем слово «оплакать» не метафора, высосанная из пальца: Алёна натурально с трудом сдерживала слезы.

Сунув деньги барышне из рецепшн и не удостоив Севу более ни единым взглядом, она пошла к выходу. Вдруг в дверь, оттолкнув даму в серьгах, ворвалась высокая рельефная брюнетка в белых бриджах, белой норковой курточке, в белых сапогах и с белой сумкой через плечо. Окинув салон безумным взором больших черных глаз, брюнетка, грохоча каблуками, кинулась к Севе и обняла его, совершенно скрыв под массой очень длинных, очень густых и очень кудрявых черных волос.

Сева покачнулся, причем было трудно понять, то ли он не устоял под таким натиском, то ли попытался вырваться из объятий, но брюнетка, как выражаются тангерос, стояла на своей оси и фиксировала партнера.

– Севочка! – вскричала она пылко. – Ты знаешь, я отдала свою Масю уродам, пусть употребят ее как хотят, и приехала на такси. Я как позвонила тебе, что не приду, так стала натурально больная. Просто не могла пережить, что тебя не увижу! К тому же мне так надоели эти патлы! – Она тряхнула избытком своих волос, отчего по салону распространился головокружительный аромат незнакомых Алёне духов. – У меня от них голова болит, и я ими за все цепляюсь. Хочу, чтобы ты меня постриг коротко, короче некуда. Желаю начать новую жизнь! Мася сдохла, тут уж ничего не поделаешь. Мне все равно новую тачку придется покупать, и пусть это будет какая-нибудь отвязная «Ланча», что ли. Но ты же меня знаешь: новая машина – новый имидж, новая прическа!

Первый миг оторопи миновал, и Алёна, которая была в принципе дамочка с фантазией и весьма востра умом (без названных составляющих невозможно написать даже одного-разъединного детективчика, а не такое ненормальное их количество, которое вышло из-под пера нашей героини), догадалась, что сдохшая Мася, которую отдали на употребление уродам, ско-

рее всего, автомобиль под названием «Мазда». Писательнице как-то приходилось общаться с человеком, который называл свой «Рено» Ренатой, так почему «Мазде» не быть Масей, так же как «Форду» – Федей, «Мицубиши» – Мишаней, «Тойоте» – Тоней, «Ягуару» – Яшей, «Волге» – Вовой, а «Хонде» – Фросей? При чем тут Фрося, спросите вы? Мол, не просматривается ассоциативная связь. Ну а в других случаях она просматривается, что ли?

Умение мыслить логически подсказало нашей героине, что брюнетка в белом – та самая клиентка, вместо которой она угодила в кресло экспериментатора Севы. Ага, значит, тот не лгал, уверяя, что дама рыдала по телефону. В самом деле, очень похоже, что рыдала она не из-за покалеченной Маси, а из-за невозможности явиться к Севе. И вот, вы только поглядите! Явилась-таки! И хочет постричься налысо!

Где-то Алёна читала, что древнегреческие (а может, древнеримские, или еще древнекакие-то) женщины в знак скорби по усопшему супругу состригали себе волосы и сжигали их на его погребальном костре. Может статься, если Маса окажется невозстановимой, брюнетка устроит ей пышную кремацию и бросит в костер свои тугие черные локоны, которые срежет Сева...

Фантастика, честное слово!

Экзальтированная брюнетка между тем оторвалась от Севы, сгрела с его лица и тела массу своих волос (ей-богу, об этом изобилии так и хотелось выразиться по-старинному: волосов!) и плюхнулась в кресло. Откинулась на спинку, вытянула ноги и блаженно замерла, ожидая мгновения, когда ее головы (черепа?) коснутся руки парикмахерского божества.

Однако божество стояло, нерешительно пощелкивая ножницами (наверное, так Зевс поигрывал перунами, размышляя, к чему бы руку приложить, титанов в Аид низринуть или не в меру ревнивую Геру стегануть для остратки) и поглядывая то на брюнетку, то на даму в бриллиантах.

Смысл сей мизансцены внезапно сделался вполне понятен Алёне. Так ведь сейчас настала очередь стричься именно этой дамы! А брюнетка уже расселась, и не похоже, что ее возможно с места сдвинуть.

А между тем придется.

– Валечка, – робко заговорил Сева, – лапа, давай запишемся на какой-нибудь другой день, а? Ты же опоздала, твоя очередь уже прошла... Хочешь, приходи через две недели, а, зая?

Алёна снова скрипнула зубами (эдак и эмаль стереть недолго, честное слово!) – «лапа», да еще и «зая»! Нет надо поскорей уходить из этой парикмахерской!

Как назло, она уронила сначала шарф, потом перчатки, потом пачку одноразовых платков... Вообще процесс одевания как-то неоправданно затянулся.

– Через две недели?! – так и взвилась брюнетка. – Какого...?!

Услышав употребленное ею слово, Алёна уронила все, что только что собрала с полу. О зубах лучше вообще молчать.

– Ну, лапа... – виновато пробормотал Сева. – Ты же знаешь, у меня запись, а сейчас очередь вон той дамы... Если бы ее не было, тогда, конечно, зая...

Брюнетка повернула голову в сторону обладательницы бриллиантовых серег, и Алёне вдруг показалось, что ворох ее черных кудрей зашевелился – некоторые пряди будто начали приподниматься, раскачиваться и потянулись к сопернице в борьбе за парикмахерское кресло и Севу...

«Медуза Горгона! – мысленно ахнула Алёна. – Ну один в один!»

– Извините, – поспешно произнесла дама в серьгах. – Я раздумала стричься. Я... запишусь на какой-нибудь другой день, попозже. Прошу прощения. Всего доброго!

И ринулась из зала, схватив с вешалки сиренево-серую шубку. Конечно же, норковую, как же иначе. Вообще на вешалке обитали сплошь норки. А среди них был один стриженный мутончик с ламой, и принадлежал он, извините, писательнице Дмитриевой.

Черные локоны перестали шевелиться. Змеи успокоились и улеглись на прежнее место. Они ведь не знали, что Медуза Горгона решила с ними расстаться, не то уж точно закусали бы ее насмерть!

Алёна наконец оделась и, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, отправилась восвояси. Настроение у нее неожиданно исправилось, и это свидетельствовало, во-первых, о том, что все на свете относительно, даже потеря кудрей, а во-вторых, о том, что наша героиня была весьма непредсказуема как в настроениях своих, так и в поступках, в чем нам еще не раз предстоит убедиться.

Она вышла из салона, поежилась, ощутив, как холодно стало теперь голове, но решила больше не заикливаться на неприятных эмоциях, а искать позитив, и, подняв воротник, спустилась с крыльца, намереваясь отправиться на поиски означенного позитива в ближайший книжный магазин. Сейчас бы очень не помешала какая-нибудь новая Гавальда... а может, старый любимый Борхес, книжка которого у Алёны когда-то была, но куда-то запропала (наверное, затырил какой-то злодей, взявший почитать и не вернувший). Вопреки расхожему мнению о том, что чукча не читатель, чукча – писатель, писательница Алёна Дмитриева читала много. Ну, может, потому, что была все же не чукчей, а вполне русской, правда, с дальней примесью капельки буйной абхазской крови, что и делало ее такой порою вспыльчивой... но отходчивой, заметим. От крыльца в обход дома к тротуару вела узенькая дорожка, и на ней стояла, загораживая путь Алёне, дама в бриллиантах. Она застегивала шубку и, услышав за спиной шаги, обернулась.

А Алёна, взглянув на нее повнимательней, даже споткнулась, с трудом сдержав восхищенное «ах!».

На самом деле ослепляли вовсе не бриллианты в розовых ушках – поражала воображение сама дама. Ей было лет шестьдесят, не более (ну да, пустячок такой!), однако она выглядела совершенно так, как, по мнению Алёны, должна была выглядеть настоящая столбовая дворянка. Великолепно одета, разумеется, не в турнюры и кринолины, а в полном соответствии с современной модой – только очень изысканно и дорого. Самая малость макияжа, а духи... ого какие духи! Явным образом не на пенсию *grande-dame* существовала, одевалась вот в такие легонькие норковые шубки и сапожки змеиной кожи, вдевала в ушки какие-то немыслимые серьги и причесывала свои темно-русые, с продуманной сединой волосы (зачем еще какой-то Сева ей понадобился, совершенно непонятно?), а также посещала салоны красоты. Все как надо! С нее бы портрет писать великому художнику да подпись к нему поставить примерно вот такую: «Портрет графини N.N.». Или даже – княгини... При том совершенно ясно, что родилась она году примерно в тысяча девятьсот сорок седьмом, то есть в то время, когда дворянство, тем паче столбовое и титулованное, было уже выкорчевано, или, выражаясь языком соответствующей эпохи, ликвидировано как класс. Но слово «порода» само собой приходило в голову при первом же взгляде на точеное, худое лицо, покрытое патиной морщин словно нарочно для того, чтобы подчеркнуть изысканную давность происхождения красивой, все еще очень красивой дамы со стройной фигурой. А стоит только представить, какой она была в минувшие, молодые свои лета! Именно о таких говорят: «Из-за нее города горели!»

Алёна тихонько вздохнула. Она тоже была ничего себе, и в минувшие годы, и в описываемое время, однако города из-за нее точно не горели. Чего не было, того не было. Впрочем, может, оно и к лучшему. Вот еще пожаров не хватало...

Дама улыбнулась Алёне и вдруг сказала:

– На самом деле я должна вас поблагодарить. Увидев, что юноша сделал с вашими волосами, причем не обращая внимания на протесты, я поняла, что мне этого точно не надо.

От ее жизнеутверждающих слов Алёна чувствовала, что порция позитива ей потребуется побольше, чем планировалось сначала. Придется купить и Гавальду, и Борхеса, а также при-

хватить какой-нибудь красивый альбом. Желательно о мифологии в искусстве – именно такие картины всегда невероятно повышали Алёне настроение.

Она с усилием улыbnулась, ощущая себя невероятной уродиной.

– А знаете, – проговорила дама задумчиво, меряя ее пристальным взглядом, – я вообще-то чушь спорю. Как ни странно, стрижка вам идет. И не пойму, в чем дело. То ли у вас такой тип лица, которому все идет, то ли в самом деле Сева гениален.

– Это у вас такой тип лица, которому все идет, – усмехнулась Алёна. – Так что вы вполне могли остаться и обрить голову.

Дама была красивая, слов нет. Но бестактностей Алёна терпеть не могла!

У дамы возмущенно раздулись ноздри, но тут же она усмехнулась:

– Один – один! Извините, я ляпнула не подумав.

– И вы меня извините, – прочувствованно сказала Алёна, но не став уточнять, что сама-то она ляпнула подумав.

В ту минуту позади них послышался резкий звук распахнувшейся двери, а потом всполошенный голос:

– Наталья Михайловна!

Дама обернулась.

С крыльца слетел Сева. Чуть не упал, поскользнувшись платформами на обледенелой дорожке, смешно вильнул своими худыми ногами, обтянутыми чрезмерно узкими брюками.

– Наталья Михайловна, сейчас позвонила клиентка, которая должна была прийти через час. У нее проблемы – срочно надо собаку в ветеринарную клинику везти, она просто рыдала оттого, что вынуждена пропустить свое время, но, во всяком случае, через час я вполне могу заняться вашими волосами. Может быть, вы подождете? Мы можем предложить вам кофе... чай... зеленый или черный, на выбор.

– Спасибо, нет, – мягко сказала Наталья Михайловна. – Вы извините, но я ведь практически случайно здесь оказалась. Обычно к своему мастеру хожу, а она заболела, вот я и заглянула сюда. Тем более салон напротив моего дома, да такая вывеска у вас эффектная.

Она махнула рукой, указывая на висящую сбоку от двери огромную пеструю бабочку из какого-то блестящего материала, напоминающего шелк. Парикмахерская называлась «Мадам Баттерфляй», что говорило об эрудированности ее владельцев. Ну кто, в самом деле, кроме сугубых знатоков и любителей, помнит сейчас старую оперу Пуччини, которая куда чаще именуется по-другому – «Чио-Чио-сан». Да и про Чио нынче никто не знает, вот разве что кто-то вспомнит, что есть такая песня группы «Кар-мэн»...

– Ой, вы оценили, да? – Сева зарделся, как невинная девица, даром что был ростом под метр восемьдесят и мускулист. – Это я придумал. Красиво, верно? Моя любимая бабочка – орнитоптера крезус Валлас. Описана лепидоптерологом Валласом в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году.

– Кем Валласом? – растерялась Алёна.

– Лепидоптерологом, – повторил Сева. – Лепидоптеролог – человек, изучающий бабочек. Лепидоптерология – наука о бабочках, слово произошло от латинского lepidoptera – бабочка.

– Снимаю шляпу! – восхитилась Алёна. – То есть сняла бы, если бы она у меня была. Такие энциклопедические познания... Честно говоря, я тоже на бабочку загляделась, вот и зашла. Умеете людей приманивать, ничего не скажешь... – Она грустно вздохнула.

– Вы, наверное, в какой-нибудь энциклопедии картинку увидели, да? – спросила Наталья Михайловна.

– Да я вообще лепидоптерологией с детства увлекался, – сказал Сева. – Особенно бабочками. Когда классе в восьмом учился, даже думал на биофак поступать. Потом заболел визажем, но страсть к бабочкам осталась. Обожаю бабочек и цветы! Они, как мне представляется,

бесполы – совершенные существа, андрогины, какими люди были, по античным представлениям, раньше, до того, как боги разделили их на мужчин и женщин.

Так, кое-что во внешности женственно-брутального Сева стало объяснимо. Вообразил себя андрогином? Или... не вообразил? А впрочем, его дело!

– Бесполы, значит? – хмыкнула Алёна. – А как же насчет пестиков и тычинок у цветов? А у бабочек ведь тоже, кажется, есть самцы и самки.

– Их тоже разделили боги, – горько вздохнул Сева и покачал головой, как будто осуждал проступок сей, совершенный богами без спроса у него. – Я ведь говорил только о своем восприятии. Мне кажется, что два крыла бабочек – образ их двуединой сущности...

– Минуточку! – возразила Алёна, сама не понимая, почему не может уgomониться и оставить в покое несчастного андрогина вместе с его фантазмагориями. – Но вот у человека две ноги и две руки. Это тоже символ его двуединой сущности?

Сева посмотрел на нее сверху вниз:

– Вы просто ортодокс. Вы мыслите схемами. Мне вас по-человечески жаль...

– Да не ортодокс я, а просто спорщица, – покаянно призналась Алёна. – Извините. Это от растерянности. Просто мне ни разу не приходилось видеть парикмахера – лепидоптеролога.

– Да какой я лепидоптеролог? – смешно сказал Сева с интонациями некоего мельника, который уверял, что он ворон, а не мельник. – Я увлечен только бабочками. И не я один, такое впечатление. Хотите, что-то покажу?

Оскальзываясь и для поддержания равновесия взмахивая руками, словно бабочка крыльями, причем широченные в проймах и сужающиеся к запястью рукава его бледно-голубого (хм-хм...) рабочего халата усугубляли сходство, Сева заспешил за угол дома, приглашающе улыбаясь дамам. Те озадаченно переглянулись и заспешили за ним, чтобы увидеть... серую унылую стену, на которой были нарисованы две бабочки. Одна была зеленая, ярко-зеленая, как на вывеске, а вторая – сапфирово-синяя, с белыми пятнышками на крыльях.

– Боже! – обронила Наталья Михайловна.

А писательница Дмитриева только головой покачала. Рисунок был поразительно хорош! Рисовали, видимо, цветными мелками, но такими яркими, что цвет не поблек даже на сером бетонном фоне. Бабочки были совершенно огромными, живыми, вот только что не трепещущими, и если бы Алёна не убоялась трюизма, который ближайший родич банальности, она непременно подумала бы, что эти бабочки вот-вот готовы вспорхнуть со стены и пуститься в полет над подтаявшими мартовскими сугробами.

– Бабочка Зефир бриллиантовый! – произнес Сева голосом завязанного конференсье, представляющего публике новую звезду. – А также бабочка сапфировая, иначе говоря – морфида Менелай!

– Менелай – это который обманутый муж Елены Троянской? – уточнила Алёна. – Странно, мне он представлялся довольно-таки невзрачным существом. А в его честь такую красоту назвать...

– Вопрос не ко мне, – сказал Сева, – но эта бабочка в самом деле так называется и так выглядит. Удивительно точно нарисована, знаток работал.

– Зефир бриллиантовый? – недоверчиво повторила Наталья Михайловна, разглядывая зеленую бабочку. – Зефир...

– Про зефир – худо-бедно понятно, – задумчиво произнесла Алёна. – В античной мифологии Зефир – бог западного ветра... Ночной Зефир струит эфир, бежит-шумит Гвадалквивир, и всё такое. Бабочка легка, как ветерок. Аналогия налицо. Но почему зефир бриллиантовый, если он такой зеленый?

– Он не просто зеленый – он блестящий, – запальчиво возразил Сева. – Я знаете сколько времени такой материал для выставки искал, чтобы блеснул даже в пасмурный день! Ведь значение слова «бриллиант» – блестящий.

– Ну да, – недоверчиво покачала остриженной головой Алёна. – Значит, зеленка, ну, бриллиантовая зелень, которой царапины мажут, по-вашему, тоже блестящая? Да нисколько! Зеленая, как зелень, и жутко пачкается.

Сева посмотрел на нее свысока:

– На самом деле бриллиантовая зелень – это порошок из кристалликов зеленовато-золотистого цвета, его разводят на пятидесятипроцентном спирту. Порошок блестит, поэтому называется не только бриллиантовая, но и блестящая зелень.

– Так это вы зефир с Менелаем нарисовали? – насмешливо осведомилась Наталья Михайловна.

– Нет, – громко вздохнул Сева. – Не наделен талантом, увы. Только в воображении рисую образы и воплощаю их в жизнь... – Он мечтательно поглядел на прическу Алёны, но тотчас воровато отвел глаза. – А вот одна моя клиентка... да вы ее видели, Валентину-то... и рисует прекрасно, и делает потрясающие броши и заколки из бисера. У нее обширная клиентура, потому что ее изделия выглядят просто потрясающе, украсят... – Внезапно Сева оборвал свою речь, в которой появился отголосок рекламного пафоса, и в его глазах мелькнуло выражение ужаса: – О боже, да ведь я и забыл, что меня Валентина ждет!

И, даже не простившись, он убежал, стуча платформами, к своей Медузе Горгоне, на голове которой уж небось вовсю зашевелились нетерпеливые черные змеи.

– Терпеть не могу бабочек! – вдруг сказала с отвращением Наталья Михайловна. – Возьмешь их за крылышки – так мерзко шелестит под пальцами, бр-р! И пыльца осыпается, аж сухо в горле становится. – Женщина передернулась. – А как они лапками судорожно сучат, вы обращали внимание?

Алёна же обратила внимание на слово «сучат», подумав, что ежели бы саму Наталью Михайловну досужий лихоимец вдруг схватил за крылышки (ну, конечно, при условии, что они у нее откуда-то вдруг взялись бы), она небось тоже засучила бы и лапками, и ручками, и ножками. Однако наша героиня дипломатично выразилась в том смысле, что трогать бабочек необязательно, если так уж неприятно, а лучше смотреть на них издалека, ибо они и впрямь напоминают ожившие цветы, если употребить чье-то расхожее выражение. Автора выражения, впрочем, вспомнить Алёне не удалось, зато она внезапно взяла да и блеснула эрудицией, вспомнив, что Набоков, к примеру, бабочек просто обожал, не зря же написал:

Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликуют они, как мерцают божественно! Скажешь:
голубоокая ночь в раме двух палевых зорь...

Тут чтица-декламаторша умолкла, ибо у Натальи Михайловны вдруг возникла такая тоска в глазах, что Алёна сочла за благо затолкать набоковский дактиль в те же бездны памяти, откуда он столь внезапно и прихотливо возник. Надо было срочно принимать какие-то меры, дабы сгладить невыгодное впечатление (наша героиня была мнительна), и Алёна примирительно сказала:

– А все-таки красивая картинка. И жителям вон того дома повезло, – она махнула в сторону очень барственного четырехэтажного особняка недавней постройки – из тех, к которым в Нижнем Новгороде прочно прилипло определение «элитка». – А то смотрели они с осени до

весны на голую серую стену... Ладно еще летом – кусты, трава, цветы, сейчас же такая тоска... Зато теперь вот бабочки к ним прилетели!

Проходивший мимо невысокий мужчина несколько угрюмого вида, с бородой и в очках, при виде бабочек вдруг ахнул, остановился, достал из огромной сумки, висевшей через плечо, фотоаппарат (с длинным объективом, не мыльницу какую-то!), сфотографировал бабочек и двинулся дальше гораздо бодрее, чем прежде. Конечно, лица его Алёна уже не видела, но ей почему-то показалось, что на нем наверняка поубавилось угрюмости. А может быть, даже заиграла улыбка.

– И вообще, – продолжала фантазировать Алёна, – если бы я могла, я бы всю эту унылую стену без единого окошка изрисовала цветами, бабочками и облаками, между которыми летали бы ангелы!

– Вы случайно не учителем русского языка и литературы работаете? – снисходительно осведомилась Наталья Михайловна.

– С чего вы так решили? – изумилась Алёна.

– Да вот сказки сочиняете, стихи декламируете, – пояснила Наталья Михайловна и улыбнулась так, что Алёна немедленно вспыхнула:

– Нет, я не учительница, а частный детектив.

В принципе она не столь уж сильно соврала, поскольку в своих романах выступала в роли преступника и следователя в одном лице, изо всех сил стараясь сначала себя запутать, а затем успешно распутывая собственные коварные замыслы. Конечно, Алёна не ожидала, что Наталья Михайловна сделает такое лицо и такие глаза.

– Послушайте... – заговорила она потрясенно, – а ведь я как раз ищу человека, который мог бы расследовать преступление!

– Преступление? – зачем-то переспросила Алёна.

Наверное, затем, чтобы получить исчерпывающий ответ:

– Ну да. Преступление. Убийство.

1918 год

«Ну, кухарка, – подумала Аглая. – Ну и что такого?» И пожала плечами.

Так она думала за последние полчаса раз примерно десять. И пожимала плечами столько же раз.

«Если этот мир не может стать таким, каким ты хочешь его видеть, надо самому стать таким, каким хочет видеть тебя этот мир», – говаривал ее отец. Он уже был тогда болен, чувствовал, что скоро умрет, но старался жить, не скрипя зубами от боли, а получая от жизни удовольствие. Для него удовольствие было не в изобильной еде и питье (с его-то больным желудком!), не в разгуле и роскошестве (с его-то вечной нищетой, к которой приучила жизнь на нелегальном положении), а в работе. В школе для крестьян, которую он устроил в имении. Днем в ней учились дети, вечерами она открывалась для взрослых. Правда, взрослые, само собой, туда и не заглядывали, но отец верил, что все со временем переменится, люди просто должны привыкнуть и тогда придут.

Особенно много таких надежд отец лелеял после того, как в феврале скинули царя. «Вспомнил свою молодость», – снисходительно подумала тогда Аглая, которая знала, что двенадцать лет назад, в девятьсот пятом году, на баррикадах в Москве отец всерьез «делал революцию». Там же он получил пулю в живот, но каким-то чудом остался жив, только – на всю жизнь болен. И смирился со случившимся, постарался сделаться таким, каким хотел видеть его этот мир. Революционеру невозможно сообразовать свою жизнь с шестиразовым питанием, и протертыми супчиками, и паровыми котлетками, и жиденькой нежной рисовой кашкой. Но небогатому помещику, владельцу небольшого имения в пятнадцати верстах от Нижнего, можно

вполне. Он распростился с «бурями молодости», как он это называл, и вернулся к жене, ранее покинутой за то, что, полюбив молодого социалиста, не решилась уйти за ним в «новую жизнь».

Именно тогда Аглая и увидела отца впервые. Ей было в ту пору тринадцать, и она не скоро привыкла к изможденному, тощему, желтолицему человеку, который поселился в их с матерью доме и вокруг которого отныне завертелась вся их жизнь. Потом привыкла и даже полюбила его – особенно когда в одночасье сгорела от инфлюэнцы, подхваченной во время краткой поездки в город, мама... Дочь и отец очень сошлись, жили, поддерживая друг друга и дружбой, и начавшей пробуждаться родственной любовью, и истинной страстью к делу рук отца: народной школе. И чем все кончилось?! Отец умер, увидев, как «крестьянские дети» радостно подожгли дом, в котором она размещалась. Для детей школа была всего лишь «пережитком старого мира», который в октябре семнадцатого рухнул окончательно. Господский дом, стоявший почти вплотную к школе, не сгорел только чудом: ветер внезапно переменялся и понес пламя в другую сторону, к деревне, так что сгорело несколько овинов, за что поджигатели были крепко выпороты по постановлению сельского схода. Однако стену дома опалило изрядно, отчего внутри поселился неискоренимый запах холодного дыма, ставший для Аглаи самым страшным на свете запахом – знаком разрушения и смерти.

Она не любила вспоминать ужас прошедшего года, проведенного в родительском доме. Жизнь была лишенной надежд, она была обреченной, Аглая каждый день говорила себе, что надо уйти отсюда, из деревни, где она стала чужой всем и где все стали ей чужими. Даже жалости от людей, которые равнодушно смотрели, как горит школа, она не хотела. Конечно, надо было уйти раньше, но как уйти от родных могил? Вот и дождалась того, что однажды ночью выскочила на улицу, можно сказать, в чем была: после приезда очередного комиссара барский дом был тоже сожжен. Деревенские сбежались – кто поглазеть на огонь, кто поживиться. Спасти из мебели, книг и картин, маминых любимых картин, не удалось почти ничего, да и то растащили «спасальщики». Аглая, собрав небольшой узелок из вещей, которые смогла вернуть, устыдив баб, навалившихся было на «барские наряды», ушла по большой дороге, даже не оглянувшись на догоравшие останки прежней жизни. А что еще оставалось делать, если эта жизнь исторгла ее из себя?!

Кое-как добравшись до Нижнего (пригородные поезда не ходили, пришлось все пятнадцать верст отмахать пешком), она поселилась у прежней гимназической подруги (Аглая в свое время заканчивала городскую гимназию), вернее, в доме у ее тетки. Да и пригласилась было там, приходила в себя, проживая те небольшие деньги, которые удавалось выручить за продажу материнских украшений и нескольких золотых червонцев: они оставались в цене, даром что считались осколками проклятого прошлого. Но ни продать толком, торгуясь, ни с умом тратить вырученное она не умела, оттого деньги уходили быстро, а потом кончились вовсе. Подруга тем временем вышла замуж за приезжего агитатора и отправилась с ним в Москву. Ее тетка мигом повысила плату за комнату и прямо сказала Аглае: не можешь платить – выкатывайся. Нужно было искать работу, но где и какую?! Что она умела делать? Да ничего. Разве что учить детей тому, что знала сама. Но кому это нужно в сошедшей с ума стране?!

Но однажды разговор, который она услышала, стоя за керосином, мол, доктору Лазареву, что живет в бывшем доме купца Малофедина на Малой Покровской, на углу Ильинки, в четвертом номере, нужна кухарка, заставил Аглаю встрепенуться. Судя по разговору, одна из женщин была соседкой того самого доктора. Так вот, она говорила, что кухарка доктору нужна не простая, а умеющая готовить самые что ни на есть деликатные блюда, потому что у него большой желудок.

– Хорош же он доктор, если сам себя вылечить не может! – фыркнула собеседница. – Сапожник без сапог!

За керосином Аглая достояла, отнесла его своей квартирной хозяйке, выслушала новую порцию упреков в том, что за жильем не плачено, а потом улучила минутку – да и удрала, не

прощаясь, зажав под мышкой свой узелок, сильно уменьшившийся, где была пара штопаного белья, метрики, немножечко денег – про самый черный день! – да томик Пушкина: все, что осталось от прежней жизни. Нет, еще у Аглаи имелось черное платье, когда-то служившее траурным, а теперь ставшее повседневным, а также жакетик. Если она не устроится на работу и не обживется, в жакетике придется и зиму зимовать... если она прежде с голоду не умрет. А служа кухаркой, может, и не умрешь... Главное, чтобы доктор Лазарев ее взял!

Она легко нашла трехэтажный, богато украшенный лепниной дом, стоявший чуть в глубине от дороги и отгороженный палисадом. Вошла в парадное – и покачала головой. Некогда, пожалуй, тут все и впрямь выглядело парадно: высокие окна с витражами, ковровые дорожки, широкие перила, чистота и порядок, – теперь же о существовании витражей можно было догадаться только по осколкам цветных стекол, торчащим в развороченных и разбитых оконных проемах, о некогда расстеленных дорожках – по крюкам для металлических прутьев, которые должны были их поддерживать на ступеньках, об имевших место быть перилах – по гнутым металлическим полосам, вкривь и вкось торчащим обочь лестничных пролетов, о чистоте и порядке... О существовании чистоты и порядка в заплыванном, прокуренном и забросанном окурками, изрядно загаженном парадном уже ничто не напоминало. Зато наличествовала наглядная агитация. «Бей буржуев!» – было написано на одной стене. На другой большевикам советовали отправиться на неприличные буквы. А около самой двери стена была забрызгана чем-то красным. И засохшие капли были жутко похожи на брызги крови.

Аглая поднялась на второй этаж, в котором располагался четвертый номер, и остановилась, разглядывая обитую кожей дверь с медной табличкой: «Д-рѣ медицины И.Г. Лазаревъ». Сбоку висел шелковый, весьма захватанный шнурок звонка с толстой кистью внизу. Аглая слышала, что теперь у многих господ дверные звонки электрические, с кнопочкой, но, уж конечно, когда электричества нет, по-старинному звонить удобнее. Она уже набралась было храбрости дернуть за шнур, как вдруг изнутри донеслось лязганье засовов. Аглая отчего-то страшно перепугалась и отскочила подальше, даже взбежала на несколько ступенек выше и вообще изо всех сил постаралась сделать вид, будто поднимается на третий этаж, а квартира под номером четыре ее в жизни не интересовала.

Дверь распахнулась, и оттуда выскочила девушка лет семнадцати, маленькая и проворная, словно птичка, и, словно птичка, востроносенькая. На ней было скромное темное платье с белым кружевным воротничком и кружевной передничек. Девушкины волосы были гладенько причесаны и свернуты на затылке в некий кукиш, а спереди, надо лбом, имела место быть небольшая кружевная же наколка.

– Мустафа! – крикнула девушка, свесившись в лестничный пролет. – Где ты, ирод?! Неси дрова! Сколько раз тебе говорено?

Нетрудно было догадаться, что девушка зовет татарина-дворника, служившего заодно и истопником. Немного странно показалось Аглае, что дворника кличут с парадного входа, а не с черной лестницы. Неудивительно, что Мустафы не было ни слуху ни духу.

– Ах, басурманская душа! – воскликнула горничная с тихим отчаянием. – Неужто на митинг побежал?! Да что ты там понимаешь, на тех митингах?

Вот теперь стало понятно, почему Мустафу ищут на парадной лестнице. Видать, тоже возомнил себя гегемоном, и по черной лестнице ходить ему сделалось зазорно. А впрочем, ныне парадная лестница от черной ничем по виду и не отличалась. Ну совершенно ничем!

– Пойти разве на улице поглядеть? – сама себе сказала горничная задумчиво. – Вдруг где-нибудь за углом стоит, лясы точит?

И она проворно засемила вниз по лестнице и выскочила из подъезда. Причем Аглая заметила, что, пробегая мимо красных брызг на стене, девушка перекрестилась. Знать, и в самом деле приключилось здесь ужасное душегубство!

И тут Аглаей овладело уныние. Горничная была такая чистенькая, такая гладенькая, будто перепелочка, такая щеголиха! Нет, она исхудалую, плохо одетую Аглаю и на порог не пустит. Даст ей от ворот поворот и даже слушать не станет про то, что готовит она отменно. Да и не только в том дело, что Аглая одета бедно. По ней сразу видно, что она – из хорошей семьи, из благородных. Как теперь говорят – белая кость, голубая кровь. Теперь такие всяким горничным ненавистны. И перепелочка с превеликим удовольствием отправит Аглаю восвояси. А вот господину – вернее, товарищу – доктору, очень может быть, даже понравится, что кухаркой у него будет дворянка, бывшая гимназистка. Хорошо бы сначала встретиться с ним, а уж потом предстать пред немилостивые очи горничной.

Совершенно непонятно, почему Аглая убедилась, что очи ее будут немилостивы, но она была очень упряма. Еще матушка говорила, бывало: что в голову дочери вобьется – нипочем не выбьется. Сейчас вбилась вдруг в Аглаину голову мысль о заведомой недоброжелательности к ней докторовой горничной, та мысль и толкнула ее украдкой войти в прихожую, чтобы поискать хозяина...

Аглая очутилась в помещении, которое было бы просторным, но стало тесным из-за того, что было загромождено огромным зеркалом, которое тускло поблескивало в причудливой раме, а также вешалкой, сплошь завешанной каким-то невероятным количеством шуб. Их тесная масса загоразживала очень изрядный угол.

Неужели это все докторовы шубы? Если так, богатый же он человек!

Аглая растерянно водила глазами, пытаясь понять, в которую из трех дверей, выходящих в прихожую, ей нужно заглянуть, чтобы найти доктора, как вдруг услышала торопливые шаги на площадке. Горничная возвращалась! Быстро же она управилась. Надо быть, не нашла Мустафу.

И только тут до Аглаи дошло, какую глупость она содеяла. Да ведь ее же за воровку могут принять! Схватят и слушать не станут, а вызовут чеку, а там, говорят, разговор что с конторой, что с ворами короткий: в момент к стенке поставят. К тому же помещицья дочь в чеке запросто за контру сойдет.

Испугавшись до полной потери разума, Аглая метнулась за шубы и затаилась там.

Пусть горничная уйдет из прихожей – Аглая или выберется из квартиры, или направится доктора искать. Сейчас же она ни на что не способна – ноги от волнения подкашиваются.

Позади шуб находилась стена. Аглая оперлась на нее спиной, прилагая массу усилий, чтобы не задохнуться, не чихнуть, не закашляться от пыли и нафталина, а главное – не заорать в голос от страха: что-то беспрестанно швыряло, возилось, шелестело вокруг... может быть, жадно насыщалась неистребимая моль, которая плевать хотела на весь нафталин в мире, а может быть, здесь было мышье гнездо. О нет, только не мыши...

Аглая стиснула зубы и изо всех сил постаралась отрешиться от внутренней жизни, происходящей в шубном мире. В конце концов, мыши – не волки, не съедят! И вообще, все это суета сует. Гораздо интересней было то, что происходило в мире внешнем, доступном ее зрению через маленькую щелочку, оставленную между висящими на вешалке бобрами, медведями, лисами, белками и, очень может быть, даже и соболями.

А происходило там вот что.

Горничная закрыла дверь. Да не просто закрыла, а заложила засов, повернула ключи в двух замках и заложила задвижку.

«Ну, я попалась так попалась! – с ужасом подумала Аглая. – Как же я отсюда выберусь?! Дверь-то мне в жизни не открыть! Разве что придет кто... Господи, пусть кто-нибудь придет! Пусть горничная откроет дверь, чтобы я смогла сбежать!»

Видимо, Господь сейчас был в духе и услышал ее молитвы, потому что немедленно раздался оглушительный трезвон – кто-то изо всей мочи дергал шнурок звонка с той стороны двери. Дергал нетерпеливо, яростно...

Святые угодники, а что, если чека пришла арестовывать хозяев? Или явился наряд красных революционных матросов из недавно образованной Волжской флотилии? Матросы частью в анархисты записались, а частью верно служили большевикам, но и те, и другие славились своей лютостью и свирепостью. Вот как ворвутся они сюда... Удастся ли Аглае за шубами отсидеться? Или ее найдут и тоже арестуют?

Горничная подошла к масляной лампе, стоявшей на гнутоном столике, и подкрутила фитиль. Прихожая озарилась довольно ярким светом.

– Сейчас, сейчас... – прочиркала горничная, глянув в глазок. – Тише, тише, барыня, звонок оборвете, я уж открываю!

«Ага, значит, не красные революционные матросы пришли, а какая-то барыня. Забавно, – подумала Аглая, – какая же может быть барыня после октября семнадцатого года?»

Тяжело громыхнул засов, потом защелкали ключи в замках и залязгали задвижки. Наконец дверь распахнулась.

– Какая я тебе барыня, ты что, Глаша, ума лишилась? – раздался насмешливый голос, и на пороге появилась женщина, при виде которой Аглая просто остолбенела.

Нет, она не была ни барыней, ни матросом, но ее вполне можно было назвать красной... потому что она была одета в красное. Пламенела кумачовая косынка, низко надвинутая на лоб, отчего как-то даже неразличимы делались черты лица. В яркую красноту отдавала кожаная куртка с алой шелковой розеткой в петлице. Конечно, юбка и сапоги на женщине были самые обычные, черные, но на них даже и внимания как-то не обращалось – взгляд так и прикипал к куртке и косынке. Даже тяжелый пояс, стягивавший ее куртку в талии, был красным, однако на нем висела еще одна вещь, выбивающаяся из красного революционного ансамбля: черная тяжелая деревянная кобура «маузера». И наверняка это была не просто пустая кобура, наверняка в ней и «маузер» был!

– Великодушно извините, ваше превосходительство, госпожа комиссарша, что заставила вас ждать! – всполошенно бормотала горничная, которую, как только что выяснилось, звали Глашей.

– Не госпожа комиссарша, а товарищ комиссар, – наставительно произнесла красная женщина. – Сколько раз тебе говорено было!

– Так точно, товарищ комиссар! – вытянулась во фрунт маленькая горничная. – Извините, стало быть, великодушно за опоздание. Я кофей варила для господина-товарища доктора, а на кухне звонок плохо слышен, да еще и керосинка гудит как оглашенная.

– Кофе варила? – изумилась яркая гостья. – С каких пор ты стала кофе варить? А кухарка у вас на что?

– Да ведь она сбежала, товарищ комиссар! – возмущенно сообщила Глаша. – Сбежала с красной революционной матросней! – И тут бедняжка спохватилась, аж за щеки схватилась: – Ой, что я ж такое сказала?! Простите, Христа ради, ваше превосходительство, обмолвилась по глупости!

– Ничего, со мной можно обмолвиться, – усмехнулась пламенеющая женщина. – Но все же лучше сказать, что кухарка ваша нашла себя в новой жизни, встала на путь революционных преобразований рука об руку с прогрессивно настроенным товарищем.

– Прогрессивно... рука об руку... – повторила горничная как зачарованная. И тут же снова схватилась за щеки, что было у нее, видимо, выражением превеликого отчаяния: – Да мне ж, темной, вовеки сего не запомнить! Надобно записать. – И она, сунувшись в карманчик своего передничка, извлекла на свет божий четвертушку синей бумаги и огрызок карандаша: – Не откажите повторить, ваше превосходительство, товарищ комиссар!

– Нашла себя в новой жизни, – великодушно повторила женщина в красном. – Встала на путь революционных преобразований...

Глаша торопливо записывала.

– Пиши, пиши, – добродушно кивнула комиссарша. – И выучи наизусть. Ты же знаешь, *товарищи* все жуткие начетчики, готовы к стенке поставить, ежели кто в слове ошибется!

– Ой, господи помилуй, – перекрестилась Глаша огрызком карандаша. – Ничего, авось пронесет, у меня память хорошая, все живенько вызубрю так, что от зубов станет отскакивать.

– Ну, тогда хорошо, – кивнула гостя. – А что товарищ доктор, ждет ли меня?

– Да-с, а как же-с, извольте-с пройти-с, – закивала горничная и отворила какую-то дверь.

Дама вошла. И в прихожей определенно стало темнее после того, как исчез этот неистово-революционный цвет ее одежды.

Глаша куда-то убежала. Вполне можно было рискнуть и попытаться отпереть дверь. Однако Аглая замешкалась. Она размышляла.

Неужто такие яркие женщины тоже могут не домогать? Непохоже! У нее такой вид, словно и еда, и сон ей ненадобны, устала она не знает, хворь никакая не пристанет. Однако же вот понадобился ей зачем-то доктор медицины Лазарев...

Как бы выяснить, зачем? Разве что подслушать, о чем комиссарша станет с ним говорить там, за дверью?

Аглая начала торить себе путь меж шубами и уже почти выбралась из-за них, как в прихожей снова послышалась меленькая, торопливая поступь Глаши, а потом появилась и сама она – с подносом, на котором стояли серебряный кофейник и чашки. Потянуло таким дивным ароматом... Сто лет, кажется, не вдыхала Аглая аромата такого кофе, да и вообще никакого, кроме желудевого!

Аглая чуть не зажмурилась восхищенно. Однако в ту же минуту Глаша пнула дверь, за которой скрылась комиссарша, и Аглая увидела, что та стоит около стула и вешает на него свои вещи. Женщина раздевалась, чтобы пройти на осмотр к доктору. Итак, комната была приемной перед кабинетом.

Горничная вошла туда с подносом и через минуту появилась обратно. Только девушка прикрыла за собой дверь, как раздался пронзительный звон. Аглая чуть высунулась и увидела, что звонит телефонный аппарат, висевший на стене. Глаша сняла трубку и прокричала, надсаживаясь:

– У аппарата! Квартира доктора Лазарева! Чего-сь изволите-с? Желаете записаться, мадам? Спинку поправить? Когда? Послезавтра, пятого сентября? В какое время желательно? Как прикажете, будет исполнено. Мерси вам, мадам. Будьте здоровеньки.

Водрузив причудливую трубку на рычаг, Глаша принялась писать в большой клеенчатой тетради, лежавшей на столике у зеркала, на всякий случай приговаривая:

– Мадам Сипягина, пятого сентября осьмнадцатого года, в три часа пополудни.

Закрыв тетрадку, она направилась было на кухню, однако телефон снова зазвонил.

– А, чтоб тебя разорвало! – проворчала Глаша от души. – Вот ирод, а? Ни минуты с него спокойной нет! Так бы тебя кочережкой и навернула, чтобы заткнулся, гад, на веки на вечные!

И все же она сняла трубку и снова отчеканила, надсаживаясь, слово в слово, как в прошлый раз:

– У аппарата! Квартира доктора Лазарева! Чего-сь изволите? – Помолчала минутку. – Ах, вам товарища комиссаршу... Так оне у товарища доктора уже. Позвать никак не можно, вы уж извините, товарищ! Ну как «когда выйдут»? Откуда ж мне знать? Как налечатся, так и выйдут. Может, через полчаса, может, через час, а может, и через два. Ихнее дело такое, комиссарское, сами понимаете! До свиданьчика, сударь, то есть этот... товарищ!

«Что ж за комиссарша такая? – ломала голову Аглая. – И что за доктор? Наверное, хороший, коли к нему по телефону записываются. Нынче-то телефоны, почитай, у всех бывших отключили. А у него не отключили. Значит, он не бывший? Наверное, самый нынешний, коли комиссаров лечит!»

Глаша ушла, и в прихожей снова стало тихо. Аглая выползла из-за шуб, задышавшись. Ох и жарко! Ох и духотища! Такое впечатление, что она и сама среди шуб вся пропахла нафталином и даже не заметила, как уронила где-то там свой узелок.

Осторожно, на цыпочках перешла Аглая прихожую и потянула дверь. В приемной было пусто, и она решила войти.

На полу валялись короткие кавалерийские сапожки, на стуле кучкой лежали вещи комиссарши. Аглая увидела алый корсет с кружевными пажиками для чулок и сами чулки – черные шелковые чулки; лежали там и очень хорошенькие кружевные штанишки, тоже черные.

«Ну и белье! – стыдливо хихикнула Аглая. – Такое небось только блудницы носят. И почему комиссарша все с себя сняла? Получается, она голая пошла к врачу, что ли? Да что ж за врач-то он такой?!»

Девушка огляделась и только сейчас увидела кушетку, на которой небрежно лежали несколько одинаковых халатов, вроде купальных, только из легкой серой шерстяной ткани. Очень может быть, они предназначались для посетителей, и в один из них и нарядилась комиссарша, чтобы пройти в кабинет... массажиста! Да, доктор Лазарев оказался массажистом – об этом можно было судить по развешанным на стенах рисункам. На них Аглая невольно задержала взгляд. Очень симпатичный мужчина атлетического телосложения, облаченный в поло-сатое трико (верхняя часть – майка, нижняя – штанишки до колен), с залезшими назад волосами и лихо подкрученными усиками, массировал разные части тела столь же симпатичным господам и дамам в самых невероятных купальных костюмах, которые объединяло одно: непременно штанишки до колен, иногда прикрытые юбочками у женщин, иногда – без оных.

Аглая изумленно покачала головой. Где-то люди друг друга убивают, мир на дыбы встал, а тут какой-то массаж, какие-то кружевные чулки... А впрочем, все близко к жизни, великое и смешное, пугающее и комическое, как любил говорить отец.

Однако какими же замечательными духами пользуется товарищ комиссарша! Давно Аглая ничего подобного не нюхала, а все же помнила их аромат – духи назывались «Любимый букет императрицы». У матушки с девичьих еще времен стоял флакончик, в котором оставалась только капелька духов и только тень аромата. Вот этого самого!

Она наклонилась к вещам. Все пахнет духами! И белье, и куртка, и косынка, и даже, такое ощущение, кобура. Может, надушен и «маузер»?

Аглая нерешительно коснулась куртки, а потом вдруг неожиданно для себя самой взяла да и надела ее. И защелкнула на талии ремень, и повязалась косынкой, точно так же, как комиссарша, низко прикрыв ею лоб. Ужасаясь тому, что сделала, она огляделась в поисках зеркала – захотелось увидеть себя в столь невероятной одежде, а потом скорей сбросить ее с себя! – однако зеркала в приемной не оказалось.

Зеркало было в передней, Аглая отлично помнила. Выскочить на минуточку, посмотреть – и обратно... Переодеться и осторожно выйти из квартиры, чтобы постучать снова и смиренно попроситься в кухарки...

Девушка замерла перед зеркалом. Честное слово, ее никак не отличить от комиссарши. Очень красиво получилось. И очень страшно!

А между тем, подумала Аглая, красный цвет ей определенно к лицу. Жаль, что прежде ничего красного не носила, а теперь-то уж не скоро доведется новыми вещами разжиться. А вот так пройти бы по улице...

Звон колокольчика заставил ее подпрыгнуть. Кто-то идет! Сейчас примчится Глаша и застанет Аглаю на месте преступления. Что ж, опять под шубами прятаться? А с чужой одеждой как быть?

Боже мой, вот попалась так попалась! А звонок просто разрывается. Даже удивительно, что Глаша не слышит. Все, погибла Аглая! Теперь ее, как воровку... Она вспомнила кро-

ваво-красные брызги на стене подъезда и, на миг потеряв всякое соображение от страха, принялась отодвигать задвижки, щелкать ключами и убирать засовы.

Дверь распахнулась.

На пороге стояли двое мужчин. Один был в такой же кожанке, как сейчас на Аглае, только черного цвета, в кожаном кепи и в крагах. Таких «кожаных» называли самокатчиками, потому что обычно они разъезжали на мотоциклетах. Второй был в матросском бушлате и бескозырке без ленточки. По слухам, без ленточек ходили анархисты...

У Аглаи задрожали ноги.

– Товарищ Полетаева? – спросил «самокатчик». – Ваш автомобиль подан.

* * *

– Убийство?! – воскликнула Алёна. – Слушайте, я такими делами не занимаюсь. С этим лучше в милицию. Если хотите, я познакомлю вас с отличными людьми, которые...

– Послушайте, многоуважаемая... Вас как зовут? – нетерпеливо спросила Наталья Михайловна.

– Елена Дмитриевна, – нерешительно представилась наша героиня, которую и в самом деле звали так. Другое дело, что она своего имени терпеть не могла, никогда так не представлялась, предпочитая свой звучный и некоторым образом прославленный псевдоним, а сейчас вдруг... сама не могла понять, почему ляпнула.

– Послушайте, многоуважаемая Елена Дмитриевна, – сухо отчеканила Наталья Михайловна, и красивое лицо ее стало ледяным и неподвижным, словно у Снежной королевы в знаменитом мультике. И ее голубые, всего лишь самую чуточку выцветшие глаза словно бы изморозью подернулись и сделались как бы даже белыми. – Ответьте мне на один, всего лишь на один вопрос. Отчего более младшее поколение заведомо считает всех, кто старше их, кретионами? Неужели оно – поколение, стало быть, – так охотно допускает, что само немедленно обзаведется всеми признаками прогрессирующей идиотии, лишь только перевалит за определенный возрастной рубеж?

– Я не... я не... – начала заикаться Алёна, и что-то вроде снисходительной улыбки мелькнуло на прекрасном лице Снежной королевы. Глаза чуточку оттаяли и обрели подобие прежней голубизны.

– Поверьте, если бы речь шла об убийстве, совершенном в обозримом времени, я непременно пошла бы в милицию. Кстати, у меня есть там приличные связи, так что я обратилась бы не к каким-то замотанным районным инспекторам угро, а к более высокопоставленным чинам. Однако я имею в виду расследование, имеющее отношение к весьма далекому прошлому. Я хочу, чтобы вы открыли секрет убийства моего предка.

– Предка? – воскликнула Алёна. – О господи! И каким же образом я его открою? С помощью машины времени, что ли?

– Если она у вас есть, – весьма сухо кивнула Наталья Михайловна, – то почему бы и нет?

Понятно. Дама не любит шуток. Или просто их не понимает. А впрочем, шутка так себе получилась, довольно убогонькая.

– А он вам кто? – осторожно поинтересовалась Алёна.

– Предок-то? – проговорила Наталья Михайловна. – Дед.

– Господи Иисусе! – невольно помянула имя Божие всеу Алёна. – Так это в каком же году было?! Убили его когда?

– Насколько я могу судить, в тысяча девятьсот восемнадцатом.

Алёна даже головой покачала. Но не сокрушенно, а восхищенно. Дело в том, что она находилась сейчас в довольно привычном состоянии: подходил срок сдачи в издательство оче-

редного детектива, а между тем некий творческий конь по имени Пегас там еще даже не валялся. Бывает, что сюжеты тормозят на подступах к творческим лабораториям, и автор (аффт-тар, выражаясь по-нынешнему, по-интернетски) может бесплодно биться головой о стенку, причем очень долго... до синяков и кровоподтеков. Поэтому Алёна, которой, в принципе, очень часто приходилось подвергать свою многдумную головушку таким испытаниям, в минуты отчаяния готова была схватиться, уцепиться за малейшую, даже самую неопределенную подсказку судьбы. Опыт жизни подсказывал ей, что никакими щедротами небес пренебрегать не следует. И знаете, готовность писательницы Дмитриевой следовать мало-мальской подсказке свыше не раз себя оправдывала. Почему бы ей не оправдаться еще раз? Конечно, издательство ждет от своего автора современного детектива, однако ведь любую стародавнюю историю вполне можно пришить к современности. Например, кто-то находит бесценную рукопись образца тысяча девятьсот восемнадцатого года, дневник, скажем, в котором вскрываются корни... корни...

Корни чего? Преступления, само собой!

«Стоп! – одернула Алёна. – О чем-то в таком роде я уже писала, причем совсем недавно. Ну ладно, не будем загадывать. Отказаться я всегда успею. Сначала надо послушать, в чем там штука. В любом случае придется, конечно, в архивы идти. И это здорово! В пыли веков всегда можно набрести на что-нибудь интересное!»

Так подумала Алёна и мысленно засучила рукава, приуговоря себя к вскапыванию бумажных залежей. Однако холодок в голосе Натальи Михайловны быстренько остудил ее благородный порыв:

– Имейте в виду, что все мыслимые и немыслимые архивы уже пройдены. Мой покойный муж служил в КГБ, затем во всех его позднейших модификациях и наконец в ФСБ, был отнюдь не последним человеком в верхних эшелонах местной власти, поэтому имел доступ практически к любым документам.

У Алёны непроизвольно приоткрылся рот.

– Да-да, – кивнула Наталья Михайловна, которая, очевидно, обладала способностью читать по губам даже прежде, чем произнесено слово. – Спецхран тоже исследован. Так что время на архивы вам тратить не придется.

Алёна растерянно моргнула:

– Тогда чего же вы от меня хотите? В архивах, получается, работать бессмысленно, да и возможности мои по сравнению с гэбэшником высоких чинов, мягко говоря, скромные, чтобы не сказать – никакие... Что я-то могу сделать?

Снежная королева улыбнулась ледяной и, как показалось Алёне, довольно коварной улыбкой.

– Позвольте, Елена Дмитриевна, я сначала кое-что расскажу вам о своей семье, хорошо? Тогда, может быть, вы поймете, чего я хочу и почему. Моя мать родилась в семнадцатом. Отца своего она не знала, даже никогда его не видела. Да и немудрено! Он погиб вскоре после того, как она родилась. Чтобы не оставаться одной в те тяжелые времена, моей бабушке, которую звали Натальей, как меня – вернее, меня назвали в ее честь, – пришлось снова выйти замуж. Фамилия ее мужа была Конюхов, он был матрос, хотя Наталья происходила из дворянской семьи. Впрочем, в восемнадцатом году это уже не имело значения... Моя мать Лариса с самого начала знала, что Гаврила Конюхов – не родной ее отец. Наталья никогда не скрывала от дочери, что ее отец погиб, а за Гаврилу она вышла только для того, чтобы спастись от смерти. Сначала Лариса думала, что речь идет о голодной смерти. Но потом Наталья рассказала ей, что она боялась преследований как вдова некоего человека... Наталья скрывала его имя так тщательно, что не назвала даже дочери! Она страшно боялась, ведь ее бывший муж совершил какое-то серьезное преступление против Советской власти. Чтобы спастись, Наталья была вынуждена совершенно порвать с прежней жизнью. То есть абсолютно! Были уничтожены все

документы, в том числе и свидетельство о венчании, личные бумаги, письма – вообще все, что могло связать Наталью и Ларису с прошлым. Впрочем, Конюхов был добрым и заботливым мужем – насколько мог, насколько это вообще было в его силах, потому что по природе своей он был грубоват и буен... Читали Тренева, «Любовь Яровая»?

Алёна кивнула, потому что она училась на филфаке и Тренев входил в обязательную программу.

– Читала. Чепуха и скукотища.

– Да не скажите... – протянула Наталья Михайловна. – Тренев замечательно нарисовал ту неразбериху, которая царила во время Гражданской войны. Революцию сделали нахрапом, власть удерживали лютой жестокостью. Народу, за самым малым исключением, было вообще все равно, кто у власти, лишь бы поскорей замирение наступило, гражданская война очень часто велась в пределах одной, отдельно взятой семьи, а матросы и в самом деле были весьма влиятельными и порою очень колоритными людьми. Помните Швандю у Тренева? Совершенно таким был и Гаврила Конюхов. Но comments, как говорится! Высокий, очень сильный, грубый человек. И все же именно благодаря ему выжили мои бабушка и мать... Конечно, Наталье больше всего на свете хотелось, чтобы ее дочь носила фамилию отца, но, разумеется, это было невозможно. Так или иначе жила странная семья неплохо и даже в достатке, поскольку Конюхов имел немалые способности, много работал, получал какие-то пайки, и все такое. Правда, хрупкое семейное счастье продлилось недолго. Ларисе было семнадцать, когда Конюхова арестовали. Она запомнила, что донос на него написал человек по фамилии Шведов.

– Но как Лариса могла это узнать? – спросила Алёна, воспользовавшись крохотной паузой, которую сделала Наталья Михайловна, чтобы перевести дух. – Жертвам репрессий не сообщали, кто писал на них доносы. Тем более членам семей. Или вы потом видели донос в архивах КГБ, то есть как его, НКВД?

– Доноса я не видела, – качнула головой Наталья Михайловна. – Он был по какой-то причине уничтожен. О Шведове и его доносе я узнала от мамы, которая случайно услышала разговор Конюхова и Натальи. Якобы Конюхов однажды явился очень встревоженный и сказал: «Я сегодня видел Шведова. Плохи наши дела, Наташа!» И Наталья в ужасе воскликнула: «Не может быть! Он ведь погиб! Она же убила его! Мы ведь видели!» А Конюхов угрюмо ответил: «Значит, недобила. Значит, он тогда выжил, а нам теперь не жить. Эх, если бы Шнеерзон не проговорился, все было бы иначе, а теперь... Шведов узнал меня. Глаза у него горели, как у голодного волка! Помяни мое слово, нам плохо придется. Донесет он на меня!» – мрачно ответил Конюхов и оказался прав: той же ночью за ним пришли и арестовали.

– Слушайте, а кто такая «она», о которой говорили Наталья и Конюхов? – спросила Алёна, которую, конечно, не могла не заинтриговать рассказанная случайной знакомой загадочная история. – И о чем проговорился какой-то Шнеерзон?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – покачала головой Наталья Михайловна. – Мама клялась и божилась, что тоже не в курсе. Она спрашивала Наталью, но та молчала, уводила разговор в сторону, а однажды просто попросила дочь данную тему не затрагивать, потому что дело слишком опасное. Смертельно опасное дело! Поэтому ни мама моя, ни я так и не узнали, о чем проговорился какой-то там Шнеерзон и кто та женщина, которая недобила подлеца и доносчика Шведова, погубившего Гаврилу Конюхова.

– Понятно... – протянула Алёна, хотя, конечно, ровно ничего понятно ей не было. – Значит, Конюхова арестовали по доносу Шведова. А что же стало с Натальей и Ларисой? Неужели их тоже схватили? Тогда ведь часто арестовывали целыми семьями...

– Нет, они спаслись, – ответила Наталья Михайловна. – Вечером того дня, когда Гавриил рассказал жене о встрече со Шведовым, он посадил семью в поезд, и Наталья с Ларисой уехали из Москвы в Нижний Новгород. Здесь жила старая-престарая тетка Натальи – больше никакой родни у нее не было. Тетка приютила их, и они стали ждать вестей от Конюхова. Однако не

дождались, конечно... Окольными путями, спустя немалое время, им стало известно, что его арестовали, но не довезли до тюрьмы: когда его вывели во двор из подъезда, он пустился бежать и был застрелен при попытке к бегству.

– Господи, жуть какая! – вздрогнула Алёна. – Такое ощущение...

Она не договорила, потому что ощущение было слишком страшным.

– Да, – кивнула Наталья Михайловна, мгновенно поняв ее. – У меня тоже есть такое ощущение, что Конюхов бросился бежать нарочно, надеясь, что его застрелят конвоиры. Он боялся пыток, боялся, что не выдержит и возведет на себя напраслину, а может быть, проговорится о событиях, приключившихся с ним и Натальей в восемнадцатом году. Это его пугало больше всего, он во что бы то ни стало, по мере сил своих, хотел отвести беду от любимой жены и дочери, пусть она и не была ему родной. И он отвел-таки от них беду.

– Ну, слава богу, хоть Наталью и Ларису больше не тронули! – от души вздохнула Алёна. – Я, знаете, за них как-то ужасно волнуюсь. Вы так трогательно рассказываете! Значит, им удалось отсидеться в нижегородской глуши...

– Точнее, в горьковской, – усмехнулась Наталья Михайловна. – Ведь Нижний как раз в то время переименовали в город Горький. Однако для того, чтобы в самом деле отсидеться в тишине и покое, моя бабушка возвела очень мощные фортификационные сооружения. Судьба тому благоприятствовала. В пути Наталья и Лариса познакомились с молодым человеком по имени Михаил Желтков.

– Желтков... – задумчиво пробормотала Алёна, которой фамилия показалась знакомой.

– Совершенно верно. В то время начальником НКВД Горьковской области назначили Павла Павловича Желткова, а Михаил был его сыном.

– Михаил Павлович Желтков! – сообразила Алёна. – Герой Советского Союза! В его честь еще улица названа.

– Совершенно верно, – кивнула Наталья Михайловна. – Михаил Желтков – мой отец. В поезде он влюбился в Ларису с первого взгляда. И проходу ей не давал, пока она не согласилась выйти за него замуж. Надо сказать, что Наталья всячески поощряла его ухаживания. Ну еще бы! Вот это и называется – найти убежище: спрятать дочь в семью начальника НКВД! Под свечой всего темнее. Слышали такую поговорку?

Алёна кивнула. Ей хотелось спросить, влюбилась ли Лариса в Михаила Желткова так же сильно, как и тот в нее, но она постеснялась. Впрочем, Наталья Михайловна в своей манере немедленно на невысказанный вопрос ответила:

– Боюсь, сначала мама не слишком-то любила отца. Но она слепо повиновалась Наталье, и скоро сыграли свадьбу.

– Погодите-ка, – прервала Алёна. – Вы говорили, что Ларисе исполнилось только семнадцать. Какая могла быть свадьба?!

– Да самая простая! – усмехнулась Наталья Михайловна. – Изобретательная бабушка представила дело так, будто Ларисины метрики пропали, утеряны. По одному звонку старшего Желткова, который в сыне души не чаял и готов был ради него на все, Ларисе были выданы новые, в которых значилось, что ей не семнадцать, а восемнадцать лет и что фамилия ее Селезнева. Мама потом раньше на год вышла на пенсию, но речь сейчас не о том. Селезнева – девичья фамилия бабушки. Наталья наплела, будто муж ее, Ларисин отец, бросил их давно, что она не желает носить фамилию подлеца... Миша уговорил отца, тот еще раз поднял телефонную трубку – и Наталья Конюхова вновь стала Натальей Селезневой. Впрочем, под этой фамилией ни мать, ни дочь не задержались. Что и говорить, моя бабашка виртуозно умела замечать следы! На свадьбе Ларисы она познакомилась с дальним родственником Желткова – инженером с Автозавода, вдовцом Николаем Лапшиным, – и вскоре вышла за него замуж. Ведь Наталье в ту пору было всего лет тридцать пять – совсем девочка, если судить по нынешним меркам. К тому же она была удивительная красавица! Теперь отыскать Наталью и Ларису было совсем непро-

сто. Года четыре они прожили относительно спокойно и даже, наверное, счастливо в своих новых семьях, в тридцать восьмом родилась я...

– Как же так? – растерянно перебила Алёна.

– А что такое? – удивилась Наталья Михайловна.

– Нет, не может быть... Вам что – семьдесят лет? Семьдесят?! – переспросила Алёна с выражением неопишуемого удивления. – Извините, конечно, но... Вы выглядите... вы просто вообще...

– Спасибо, – с достоинством поблагодарила Наталья Михайловна. Видно было, что подобные комплименты она слышит часто, привыкла к ним, но все же они ей очень приятны. – Это у нас семейное. Мама и бабушка были красавицами до последних дней жизни. Жаль, мы с мамой пошли не в бабушку... у нас более спокойный тип внешности, ну а та была очень яркая красавица. Они прожили обе до глубокой старости, порадовались внукам и правнукам. Отец мой погиб под Сталинградом и не увидел ни нашего сына, ни его детей. Я его почти не помню, но хотя бы могу им гордиться. А мой дед... Повторяю: бабушка Наталья так и не сказала о нем ни единого слова ни дочери Ларисе, ни мне, своей внучке. Так и умерла, унеся с собой в могилу тайну его имени и преступления, тайну того страха, который она испытывала перед прошлым, тайну, в конце концов, той женщины, которую и сама бабушка, и Гаврила Конюхов называли «она»... Бабушка умерла в семьдесят пятом году, а те времена не слишком располагали к откровенности. Вообще о тех старых событиях я узнала не от нее, а от мамы, уже в позднейшую, более свободную пору. Тогда же мы с мужем начали искать все, что могло иметь отношение к истории моей семьи. Собственно, основываться нам приходилось только вот на этом. Взгляните...

Наталья Михайловна открыла свою сумку – простенькую такую, из серо-голубой змеиной кожи, – и вынула довольно пухлый органайзер (в обложке из аналогичной рептилии, только желто-зеленого колера). Между страницами была заложена четвертушка, вырванная из какой-то старой газеты, но «одетая» в ламинат.

– Наша семейная реликвия, – пояснила Наталья Михайловна. – Мама нашла листок среди немногочисленных бабушкиных вещей, оставшихся со старых времен... Она убеждена, что в списке значится фамилия ее отца. Посмотрите.

Алёна взяла желтоватый листок, и несмотря на то, что он был покрыт гладкой пленкой, у нее чуточку запершило в горле, как бывало всегда, когда она работала в библиотеке или архиве и касалась шершавых, пропитанных пылью лет и даже веков газетных и книжных страниц. Текст почти стерся, и на одной стороне листка можно было с трудом прочесть список фамилий без конца и без начала, причем некоторые вообще стерлись, потому что оказались на сгибах. *Абрикосов, Берлянт, Москвитин, Николаенко, Орлов, Переверзев, Ростовский, Столбов, Учкасов, Федоров, Феоктистов, Фофан, Харитонов, Хмельницкий, Цверидзе, Чекалин...* – Алёна пробежала по списку глазами, потом прочла несусветное стихотворение какого-то Митрофана Голодаева, бывшее на той же страничке:

Революция смотрит мне в очи
И сурово гласит: «Защити!»
Мне не спится в осенние ночи,
Громко сердце стучится в груди.

Не отдам тебя на растерзанье,
Не тревожся, великая новь!
Пусть мы все испытаем страданье,
Но попьем мы буржуйскую кровь!

Ужаснувшись, Алёна перевернула листок и увидела какое-то воззвание – опять же без начала:

«...переполнили чашу терпения революционного пролетариата. Рабочие и деревенская беднота требуют принятия самых суровых мер к буржуям, эсерам и меньшевикам, чтобы отбить охоту к подлым заговорам, которые загоняют острый нож в сердце революции. Вся обстановка начавшейся борьбы не на живот, а на смерть побуждает отказаться от сентиментальничанья и твердой рукой провести диктатуру пролетариата.

В силу этого губернская комиссия по борьбе с контрреволюцией расстреляла вчера 41 человека из вражеского лагеря. Список фамилий помещен на второй странице газеты.

Да здравствует революция!

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует товарищ Ленин!»

– Ну и ну... – пробормотала Алёна, протягивая листок Наталье Михайловне. – Кошмар!

– Вы обратили внимание на фамилии? – спросила та, не принимая листок.

– Нет, а что?

– Да всего-навсего то, что я тоже убеждена: в списке расстрелянных находится фамилия моего деда.

– И вы до сих пор так и не знаете, кто он? – Алёна снова перевернула листок и прочла вслух:

– Абрикосов, Берлянт, Москвитин, Николаенко, Орлов, Переверзев, Ростовский, Столбов, Учкасов, Федоров, Феоктистов, Фофан, Харитонов, Хмельницкий, Цверидзе, Чекалин...

– Представления не имею, – вздохнула Наталья Михайловна. – Никакого представления! Но точно знаю, что он – не Абрикосов, не Москвитин, не Николаенко, не Переверзев, не Ростовский, не Столбов, не Федоров, не Феоктистов, не Харитонов, не Цверидзе и не Чекалин. И, кстати, не Фофан.

– Почему вы так уверены?

– Ну я же говорила, что мы с мужем очень серьезно работали в архивах и спецхране. И нам удалось найти данные о тех людях, фамилии которых я назвала. Ни один из них не мог быть моим дедом. Например, купцы Переверзев и Цверидзе, а также фабрикант Абрикосов оказались людьми весьма преклонных лет, они Наталье сами годились в деды, а не в мужья, Фофан – это фамилия женщины-доброволки, в смысле, добровольно пошедшей служить в так называемый Женский батальон смерти, составлявший личную охрану Керенского, потом, после Октябрьского переворота, попытавшейся, как и многие из них, укрыться в провинции, но схваченной революционными, так сказать, сознательными массами и поставленной к стенке. Николаенко – тоже женщина, эсерка. Федоров и Чекалин были крестьяне, пришедшие возмущаться порядками новой власти, Москвитин, Харитонов и Столбов, в прошлом офицеры царской армии, были женаты, и сведения о судьбе их семей нам удалось раздобыть, они тоже весьма печальны...

– Понятно, – вздохнула Алёна.

– Вот именно, – кивнула Наталья Михайловна. – Итак, остаются неизвестными судьбы и личности Берлянта, Орлова, Хмельницкого и Учкасова. И, честно говоря, до последнего времени я просто не верила, что удастся хоть что-то выяснить, тем более что муж мой умер и теперь мои возможности доступа к закрытым архивным материалам резко, ну очень резко сократились! Но вот буквально в последние дни...

Она умолкла и так многозначительно поглядела на Алёну, что той стало страшновато от сваливающейся на нее ответственности.

– Наталья Михайловна, – забормотала она панически, – но я, ей-богу, просто не вижу, чем же я в силах... Мои возможности, как я уже говорила, вообще никакие... Что я могу?!

– Вы можете очень многое, – последовал ответ. – Например, просто пойти и спросить.

1918 год

Товарищ Полетаева? Аглая слышала имя знаменитой комиссарши. В очередях говорили, что она приехала из Москвы, от Ленина, излишки золота у буржуев отбирать. А какие у кого излишки и где они вообще, буржуи-то? Давно всех, кто был, к стенке поставили!

Ну, наверное, еще не всех, если Полетаева приехала из самой Москвы.

Боже мой... Так вот чью одежду позаимствовала Аглая, поддавшись мгновенной одури! Да за такое заимствование ее...

Она была от страха на грани обморока и вряд ли соображала, когда «самокатчик» подхватил ее под руку и вывел на площадку. Матрос заботливо притворил дверь и последовал позади.

Аглая шла как во сне, иногда шевеля губами, чтобы признаться в обмане, но тут же сжимая рот покрепче и понадежней пряча язык за зубами.

Может, на улице удастся от них как-нибудь сбежать?!

Стало легче, когда свежий воздух коснулся лица. Он и в самом деле был удивительно свежий, с тонким ароматом осеннего увядания, едва уловимо пропитанный дальней бензиновой струей и ближней – с отчетливым навозным оттенком. Раздалось ржание, и Аглая увидела рыжую лошадь, которая стояла посреди мостовой и тарасилась вокруг недовольными глазами. Лошадь была впряжена в воз с дровами. Вид у нее был изрядно замороженный. Такое впечатление, что коняга предпочла бы быть впряженной в воз с сеном, но... Уж такая выпала ей судьбина! Под ногами у нее валялись свежие катышки.

Аглая озиралась вокруг, словно впервые видела мир. Вернее, в последний раз. Она не сомневалась, что обман сию минуту раскроется, а потому, прощаясь с жизнью, смотрела и смотрела по сторонам.

– Не беспокойтесь, товарищ Полетаева, – сказал «самокатчик», встретившись взглядом своих небольших карих глаз с ее расширенными от ужаса и потрясения серыми глазами. – Я ваш новый охранник. Прежнего пришлось сменить, так как он оказался неблагонадежным элементом, сомкнувшимся с врагами революции. То же и с шоффэром. Садитесь в авто, товарищ Хмельницкий приказал срочно доставить вас к нему.

Вдруг раздался странный треск, и словно бы несколько пчел пролетели над головой Аглаи. Она изумленно повела глазами налево-направо и увидела, что немногочисленные прохожие кинулись врассыпную.

– Скорей в автомобиль! – крикнул «самокатчик». – Подстрелят в два счета!

Только сейчас до Аглаи дошло, что треск – не просто треск, а выстрелы, и не пчелы летают вокруг, а пули свистят.

Да, в городе часто вот так, ни с того ни с сего, вспыхивали перестрелки, и даже убивали в них порою совершенно случайных людей. И никого это особо не удивляло, не возмущало. Люди привыкли. Такое уж время!

Черный запыленный автомобиль со всего хода подкатил прямо к Аглае и остановился, резко затормозив. У него был довольно широкий нос, приплюснутый спереди решеткой, и огромные фары. Может, самый настоящий «Кадиллак»? Аглая где-то слышала такое название... Никакого тента, и стекла впереди тоже нет, алый флажок трепыхается на носу автомобиля. Или нос бывает у корабля? А у авто как штука, которая выступает вперед, называется?

За рулем уже сидел матрос. Сейчас он был в огромных очках, которые, кажется, называются «консервы». Они защищали от ветра глаза шоффэра.

– Садитесь! – крикнул «самокатчик».

Аглая растерянно огляделась. Честное слово, она готова была подчиниться, но никак не могла найти дверцу, через которую предстояло сесть в кабину. И ни шоффер, ни «самокатчик» не делали попытки эту дверцу обнаружить и как-то помочь Аглае сесть в автомобиль.

Наконец, спохватившись, они помогли, но очень своеобразно: один подхватил ее и подпихнул снизу, второй схватил за плечи, в результате чего Аглая была весьма бесцеремонно втащена в авто, которое немедленно сорвалось с места.

Некоторое время Аглая пыталась устроиться так, чтобы ноги не торчали выше головы, но тут ей почему-то никто не помогал. Ну, с водителем все понятно: он всецело был занят, все же скорость у авто («Кадиллака»?) оказалась просто головокружительная: верст тридцать в час, не меньше! – а «самокатчик» просто сидел рядом с Аглаей и смотрел на нее с откровенным презрением.

Наверное, глаза у нее были очень уж вытаращенные, потому что он сказал скучающим тоном:

– Не извольте беспокоиться, товарищ комиссар, мы в два счета доставим вас к товарищу Хмельницкому.

И тут наконец до Аглаи вполне дошло, к чему привело ее любопытство, до чего довела страсть к переодеваниям.

– Послушайте, товарищи... – начала было она, однако прикусила язык. Ну и что она скажет этим двоим? Что она вовсе не комиссарша Лариса Полетаева, а Аглая Донникова, забредшая к доктору Лазареву в кухарки наниматься?

Спасибо, если мрачный человек, которого про себя она называла самокатчиком, станет ее слушать. А то выхватит револьвер да просто пристрелит, как белогвардейскую шпиёнку. Судачили бабы в очереди: мол, красные, которые нынче у власти, особо никого не слушают, сначала пистолет выхватывают и пуляют почем зря, а потом уже думают, в того ли стреляли; да только что толку мозги трудить, человек-то уже умер.

Умирать Аглае не хотелось. Во всяком случае, пока.

Но что делать? Что можно сделать?

Продолжать молчать и отдаться на волю рока?

Похоже, больше ничего ей не оставалось...

Пока Аглая пребывала в нервической задумчивости, автомобиль мчался вперед. Вот проехали базарную площадь, которая называлась Новая... Вот мелькнул Вдовий дом, единственный каменный и внушительный среди множества деревянных купеческих, напрасно пытавшихся пыжиться рядом со строгими и благолепными очертаниями Вдовьего дома.

Не было сомнений, что автомобиль держит путь в сторону Щербинок или Дубенок. Город кончился. С обеих сторон дороги потянулись домишки и огороды.

Интересно, куда они едут? В какой-нибудь штаб красных, что ли?

– Застава впереди, – вдруг проговорил водитель, полуобернувшись и блеснув своими «консервами». – Что делать?

– Да ничего, – спокойно, словно бы даже с ленцой, ответил «самокатчик». – Сам видишь, кого везем. Отбрешемся.

Застава представляла собой две телеги, поставленные поперек дороги. Обочь горел костерок, над которым что-то варилось в подвешенном на рогульку котелке. Водитель повел носом:

– Ушицу гоношат... Как пить дать плотвишка да пескаррики. Юшка небось жидковата, зато духовита, аж слюнки текут! Может, реквизнем в пользу революции, а? Как мыслишь, Костик?

– Заткнись, – сквозь зубы буркнул «самокатчик» Костик. – Все б тебе жрать! Сначала вот ее доставим, потом все остальное.

– Схимник ты, Костик, схимник и монах, – недовольно проворчал водитель. – Что ты, что Гектор, оба вы угрюмые да злые, а таких удача не любит, понял? Удача легких любит, вон как Хмельницкий!

– Заткнись! – рывкнул «самокатчик», и его темные глаза отчетливо посветлели от ненависти. – Застрелю!

– Меня-то? Бей своих, чтоб чужие боялись? – огрызнулся водитель. – Ладно, молчу, угомонись, товарищ Константин!

Он притормозил и крикнул грубо, адресуясь к двум замороченным солдатикам, сидевшим у костра:

– А ну, пропустите! Чего нагородили тут?!

Солдатики и ухом не повели, продолжая наблюдать, как варится ушица. Но из-за телеги выскочил худенький востроносенький паренек в невообразимо революционном кожане.

– Пропуск и пароль! – выкрикнул он.

– На что тебе пароль? – скучающим голосом протянул «самокатчик» Константин, игнорируя требование предъявить пропуск. – Ты ж небось отзыва не знаешь!

– Как не знаю? – обиделся парнишка. – Я начальник караула, должен знать. Отзыв – «Максим».

– Тогда пароль «пулемет», – небрежно предположил Константин. Однако начальник караула рассердился:

– Неправильно! Говори пароль, не то!..

Он сделал угрожающий знак, солдатики у костра вяло отложили ложки и потянулись к винтовкам, лежавшим подле, на земле.

– Не то что? – хамским тоном поинтересовался Константин. – Стрелять в нас станешь? Да ты что, товарищ, не видишь, кого везем?

– А кого? – насторожился парнишка, уставляя свои небольшие, покрасневшие от усталости и революционной сознательности глазки в Аглаю.

– «Кого...» – возмущенно передразнил Константин. – Да ведь это ж товарищ Полетаева! Неужто вы не получили декрет оказывать ей всяческое содействие?

Маленькие глазки парнишки стали большими-пребольшими, и он запищал восторженным дискантом:

– Неужто сама товарищ Полетаева?! Та самая?! Да я ж только и мечтал, чтоб на нее поглядеть!

– Ну вот погляди малость да убирай телеги, нам спешить надобно, – велел Константин. Однако парнишка молитвенно сложил руки на груди и пялился на пассажирку авто так, словно она была не она, а революционные попугай-неразлучники Маркс и Энгельс.

– Товарищ Полетаева... Миленькая, родненькая... Да вы ж для нас... Вы для нашей партячейки в Дубенках все равно что красная революционная икона! – строчил что твой «максим» паренек. – У нас же организация – вашего имени, так и зовется – «Партийная ячейка красной Полетаевой!» Мы ж ваш декрет «Дорогу летучему Эросу!» проштудировали от корки до корки, законспектировали досконально и прорабатывали на практических занятиях. Жена секретаря ячейки у нас акушерка, так что она производила телесный осмотр всех сознательных присутствующих мужского пола вымериванием через тарелку. У кого конец перевесится через тарелку, тому бутылка самогонки...

– Что? – пробормотала Аглая, не веря ушам и оглядываясь на своих спутников. – Что это значит?!

Ответа не последовало: молчание, воцарившееся в автомобиле, можно было не только услышать, но и *потрогать*.

А парнишка из Дубенок, коему, собственно, и адресовался вопрос, ничего не слышал и продолжал самозабвенно трещать:

– Как видите, народ у нас политически грамотный, относится к проработке директив с огоньком! Я вот однажды вечером шел из Нардома, завернул в чей-то предбанник, чтобы оправиться, чтоб на улице, значит, не гадить некультурно, – смотрю, идут двое. Я притаился и вижу: женщина и мужчина, Фанька-пишбарышня¹ и инструктор райкома Мануйлов. Смотрю, в баню заходят, уселись на полок, стали друг другу объясняться в любви и так далее. Потом Фанька говорит: «Сколько я перебрала мужчин, но на тебя нарвалась по моему вкусу». Потом Мануйлов говорит: «А вы когда-нибудь пробовали раком?» Фанька говорит: «Давай по-конски. Вот я стану раком, а ты... Только тебе с разбегу не попасть». Мануйлов говорит: «Попаду». Мануйлов отошел немного и побежал на нее. Она немного отвернулась – он мимо! Я грянул хохотать. Они выскочили без ума... У нас, конечно, есть еще несознательные – прослышали об этом, стали заявления в ячейку писать, но секретарь не дал ходу, говорит: «Мы по Полетаевой живем или нет?!»

– Я не... я не...

Ничего более не могла выговорить Аглая, а Константин посмотрел искоса и сказал:

– Вы – «не»? Разве не вы пропагандируете на всех углах свободу любви? Вы же во всех своих статьях, которые активно печатает даже «Правда», утверждаете: семья при социализме будет не нужна, она – давно отмерший пережиток, закабальвавший женщину и мешавший ее гармоничному развитию!

– Да-да! – подхватил полетаевский адепт из Дубенок. – Я сам читал: «В свободном обществе, которое вскоре воцарится в России, удовлетворить половую потребность будет так же просто, как выпить стакан воды!» Это вы писали. И мы твердо и неотступно идем всей нашей ячейкой намеченным вами курсом.

– Верной дорогой идете, товарищи! – с непроницаемым выражением подвел итог Константин. – А сейчас завершаем диспут, нам ехать пора. Товарищ Полетаева спешит. Убирайте телеги, не то я сейчас вам такое вымеривание через тарелку устрою, что мерить нечего будет!

Водитель выразительно хрюкнул, а сознательный полетаевец отчаянно замахал своим солдатакам:

– Пропустить машину! Честь и слава комиссару свободных половых отношений товарищу Полетаевой!

За треском мотора не слышно было, как отозвался на его призыв Константин, однако как-то все же отозвался, ибо губы его шевелились довольно долго.

Аглая сидела ни жива ни мертва. Сказать, что сгорала со стыда, значило просто ничего не сказать! Хотя, наверное, глупо было чувствовать себя оскорбленной, ведь все говоренное адресовалось комиссарше, а не ей. Последняя мысль несколько успокоила, хотя все равно – стыдо-о-о-обища...

Но это, строго говоря, мелочи жизни. Главное – другое. Ни мальчик из Дубенок, ни Константин, ни водитель не знают настоящую Полетаеву. А как насчет Хмельницкого, к которому ее, собственно, везут? А что, если он лично знаком с пресловутой Ларисой? Нет, нужно немедленно прекратить мало того что оскорбительный, так еще и опасный «фарс с переодеваниями и метаморфозами», как писали в старинных театральные афишках!

Автомобиль между тем свернул с ужасной, колдобистой дороги и заковылял – другого слова не подобрать! – между садами, огородами, пустырями и рощицами, среди которых изредка мелькали крыши уединенно стоявших домиков.

– Послушайте! – испуганно проговорила Аглая. – Я хочу вам сказать, что я...

¹ Пишбарышням и в начале XX века называли машинисток (работающих на печатных машинках). Прим. автора.

– Заткнитесь, товарищ комиссарша! – рявкнул в ответ Константин. – Мне даже голос ваш слушать тошно, так что лучше не злите меня! Понятно?

И... и вслед за этим он выхватил из кобуры револьвер и направил его на Аглаю.

Она испуганно откинулась на сиденье и болезненно ойкнула – кобура «маузера», пристегнутого к ее поясу, немилосердно уперлась в спину.

Да ведь у нее тоже есть оружие! Как она могла забыть? Причем ее «маузер» выглядит куда как значительней револьверчика Константина. Нужно достать его из кобуры и потребовать остановиться. Мало того – заставить отвезти ее в город. Мол, иначе она будет стрелять. Надо полагать, ее поведение не слишком удивит «самокатчика» и водителя в «консервах»: они ведь убеждены, что везут подлинную Полетаеву, а от этой дамы, конечно, всего можно ждать. Даже выхватывания оружия и стрельбы в упор.

Похоже, Константин именно так и думал, поэтому вдруг толкнул Аглаю, отчего она нелепо повернулась на бок, и резко сдернул с ремня кобуру. А потом грубо, как куклу, посадил девушку в прежнюю позу. Сидеть стало удобней, спору нет. А на душе – страшней.

И в ту самую минуту, свернув за какой-то старый сад, авто остановилось.

– Выходите! – приказал Константин. – Ах да... – вспомнил он об отсутствии дверцы и повернулся к шофферу: – Федя, прими товарища комиссара!

– Это мы в два счета! – посулил Федя и небрежно, грубо выволок Аглаю из машины.

– Вы что... – крикнула было она, потирая ушибленную коленку, однако слова «себе позволяете» пришлось проглотить, потому что пудовый кулак оказался у ее губ, и Федя рыкнул:

– Молчи, сука! Щас ты у меня своими зубами подавишься!

– Угомонись, Федор, – остановил его Константин. – Сначала пусть комиссарша скажет Гектору то, что он хочет знать. А потом делай с ее зубами и с ней все, что захочешь.

– Да нужна она мне, кляча старая! – оскорбительно хохотнул Федя.

Аглая так и обмерла от оскорбления.

Конечно, ей уже за двадцать, многовато для незамужней девушки, но еще не старость. Неужели по ней так виден возраст?

В этот момент ее сильно толкнули в бок.

– Н-но, мертвая! – прикрикнул Федя, видимо, мигом почуявший, чем сильнее всего оскорбил Аглаю, и продолжавший резвиться: – Шевели копытами!

Матрос почти втащил ее на высокое крыльцо, но руки распускать перестал, только командовал: «Сюда поверни!», или «Прямо иди!», или «По лесенке!», и Аглая в наконец-то сморгнув злые слезы, смогла обратить внимание на дом, в котором оказалась.

В нем было множество комнат и комнатушек, лестниц и лесенок, коридоров и коридорчиков. Очень чисто и тихо, сквозь окошки с разноцветными стеклами проникал разноцветный свет: там синий, там зеленый, там нежно-розовый или медово-желтый. Аглая вспомнила осколки витражей в подъезде доктора Лазарева. Наверное, там тоже было когда-то очень красиво, до того, как пережитки старого мира разнес вдребезги революционный пролетарский приклад, булыжник или просто кулак. Как хорошо, что здесь еще живы чудесные, завораживающие пережитки! Кто был человек, построивший дом, словно терем сказочный? Сколько в нем красоты и тайны! Модерн здесь чередовался с приметам русского мещанского уюта: венские стулья, кружевные занавески на окнах, белизна которых подчеркивалась многочисленными цветущими фуксиями, там ковры, а тут домотканые половики, на стенах изысканной формы зеркала, по углам небольшие кушетки, стоячие часы в мощных футлярах, а кое-где бодро тикающие ходики с тяжелыми гирями, иконы в нарядных киотах, горки с посудой, изящные этажерки с книгами и журналами. А одна комната, через которую провели Аглаю, явно служила библиотекой, потому что вся была заставлена большими книжными шкафами. Аглая мельком заметила множество выпусков «Архитектурного журнала», а еще – новехонь-

кие, отливающие темной зеленью и сверкающие позолотой корешки энциклопедии Брокгауза и Ефрона и синие тома «Русского биографического словаря» Половцева.

Само присутствие книг всегда действовало на Аглаю умиротворяюще, а потому в просторную столовую она вошла почти спокойной.

Константин поставил на середину комнаты стул и посадил Аглаю лицом к стене. Сбоку была небольшая дверь, не та, через которую ее привели, а другая.

– Не оглядывайся, а то пулю получишь, – пригрозил Федор, и, хотя Константин промолчал, у Аглаи вышло впечатление, что он не только повторил угрозу, но и в любую минуту готов подтвердить ее выстрелом.

Она сидела и смотрела в беленую стену, на которой висели несколько застекленных рам. Под стеклом на белой ткани были пришпилены бабочки. Удивительно красивые, разноцветные, просто сказочные, каких рисуют только в самых ярких и волшебных детских книжках. Однако Аглаю их красота не восхитила. Ведь бабочки мертвые! Она и гербариев не любила именно потому, что в них собрались мертвые цветы и травы. Бабочки были такие прекрасные, такие живые, так весело трепетали крылышками, а их кто-то взял да и пришпилил к ткани, да и накрыл стеклом. Вот так и Аглаю какой-то Гектор возьмет да и пришпилит *к смерти*...

«Почему он Гектор? – подумала вяло. – При чем тут герой „Илиады“, брат Париса? Наверное, чья-то партийная кличка, или как это у них, революционеров, называется».

Что-то забрезжило в памяти: шлемоблещущий Гектор великий... блистательный Гектор... пастырь народа, советами равный Крониду... А, ну да, Гектор же предводитель этих, как их... похитивших Ларису Полетаеву. Но в «Илиаде» он вроде был благородный, а здесь... Какое благородство в том, чтобы похитить женщину?

Аглая вздрогнула от ужаса, когда раздался звук открывшейся за спиной двери, а потом неспешные мужские шаги, остановившиеся рядом.

– Не бойтесь, – прозвучал незнакомый голос. – Вам не причинят вреда, если вы ответите на все вопросы, которые я вам задам.

Голос был молодой, холодный, бесстрастный. Вернее, он очень старался быть бесстрастным, но что-то звенело, что-то дрожало в его глубине... Человек явно волновался. А впрочем, Аглае было совершенно не до его волнения. Если она не убедит незнакомца, что попала сюда случайно, то, может статься, погибнет, ибо совершенно понятно: Аглая Донникова не сможет ответить на вопросы, адресованные Ларисе Полетаевой.

– Послушайте, послушайте, Гектор! Умоляю вас... – начала было она с жаром, однако незнакомец с досадой перебил:

– Нет, это я вас умоляю, товарищ Полетаева: ведите себя достойно. Вы ведь умная женщина, должны понимать: если уж вы начали играть в мужские игры со всеми их мужскими приемами, то неужто вы надеетесь, что ваши противники станут относиться к вам как к слабой женщине? Напрасно. Мы играем на равных.

– Да чего вы от меня хотите?! Я ведь не...

– Вы прекрасно знаете, чего я хочу.

– Даже не догадываюсь, потому что...

– Мне известно об истинной цели вашего столь внезапного визита в Нижний. Рассказни о необходимости инспектировать изъятие у буржуазии культурных ценностей – именно что рассказни, пустая болтовня. Вы добились назначения в комиссию, чтобы контролировать действия ее председателя – Хмельницкого. Мне ясно: вы не верите ему. Надеюсь, вы не станете отрицать?

Аглая пожала плечами. Лично ей было ясно только одно: человек, который говорит с ней, Гектор, – явно не Хмельницкий. Невозможно ошибиться относительно интонации, с какой он произносит эту фамилию. Он не Хмельницкий, а враг Хмельницкого. Константин и Федор должны были обмануть Ларису Полетаеву, чтобы привезти ее сюда, к этому Гектору.

А ведь, пожалуй, повезло комиссарше Полетаевой, что нынче в приемную доктора Лазарева ввалилась Аглая Донникова. Правда, не повезло Аглае Донниковой. . .

– Молчание – знак согласия, – констатировал незнакомец. – И вы совершенно правы, что не доверяете Хмельницкому. Он давно расстался с теми идеалами, за которые когда-то боролся и благодаря которым был так высоко вознесен новой властью. Он думает только о себе. Вы прекрасно понимаете, что он пытается набить прежде всего свои карманы, что как минимум десять, а то и все двадцать процентов из всего конфискованного уйдет в его тайники. Думаю, то же самое понимали и те ваши товарищи в Москве, которые помогли вам войти в состав комиссии. Тем паче что Хмельницкий – человек Троцкого, а предводитель большевиков не может не опасаться соперничества со столь сильной личностью, вот и пытается ставить ему палки в колеса где может и как может. И вы стали одной из таких палок.

«Предводитель большевиков», – сказал он. В интонации, с которой были произнесены эти слова, тоже нельзя ошибиться: она была самая что ни на есть враждебная. Получается, Гектор – не большевик. А кто? Может, анархист? Или эсер? Хотя, насколько слышала Аглая, эсеров вроде бы всех уже разгромили. . .

– Если Хмельницкий узнает о вашей тайной миссии, вы лишитесь его доверия и будете отправлены в Москву. Однако если Хмельницкий проведаёт, что вы по-прежнему связаны и с Орловым, он вас просто пристрелит. А ведь именно для Орлова вы сейчас стараетесь. Для него и для себя! Вы втираетесь в доверие к Хмельницкому, поддельваете списки реквизируемых ценностей, помогаете Хмельницкому замести следы его откровенного грабежа «родной Советской власти», но на самом деле вы с Орловым просто замечаете *собственные* следы!

– Что вы говорите, я не понимаю! – в ужасе воскликнула Аглая. – Еще и какой-то Орлов. . .

– Уверяю вас, Лариса, я не собираюсь взывать к вашей совести, – перебил Гектор. – То, что у вас ее нет, мне известно давно, еще с тех пор, как вы, шестнадцатилетняя гимназистка. . .

Гектор на миг умолк, и Аглая всем телом ощутила, что он пытается подавить захлестнувшие его ярость и ненависть. Потом заговорил снова:

– Нет смысла напоминать вам события прошлого. Вы и сами все отлично помните. Мне известно, что у вас феноменальная память. Отчасти именно поэтому Хмельницкий радостно принял ваше назначение – вы могли стать ему отличной помощницей. Вы можете спокойно подделывать любые списки и описи, не опасаясь сбиться или запутаться. Поэтому я требую, чтобы сейчас вы призвали свою память на помощь и прямо здесь, при мне, составили полный реестр ценностей, утаенных от Советской власти: тех ценностей, которые осели в карманах Хмельницкого и в ваших лично.

Аглая, как ни была напугана, искренне озадачилась. Какой странный человек. . . Вроде бы с неприязнью говорит о Ленине, злую иронию его слов о «родной Советской власти» не заметил бы только глухой, а между тем так заботится об утаенных от нее ценностях. Что все это может значить? Просто вот такой благородный разбойник? Да нет, вряд ли тут можно говорить о благородстве. . . Ах, да ей-то какая разница!

– Послушайте, – заговорила Аглая слабым голосом, потому что у нее и в самом деле не осталось сил разгадывать тайны, с которыми она случайно, по глупости, столкнулась, – я никак в толк не возьму, что значит все происходящее и чего вы ко мне пристали. Вы меня путаете. . .

– Я вас ни с кем не путаю, не надейтесь меня обмануть, – резко ответил Гектор. – Итак, я требую ответа на мои вопросы. Мне нужны списки, вы поняли?

– Нет! – заорала Аглая, у которой вдруг, в один миг, иссякли и терпение, и силы, и даже страх. – Я ничего не понимаю! Как вы мне все надоели! Вы что, с ума тут все посходили?! Наделали невесть что, увезли невесть куда, невесть кого, невесть зачем! Нет у меня никаких списков! Нет и никогда не было!

– Да и черт с ними, – с неожиданной покладистостью усмехнулся Гектор, и Аглая, которая порядком перепугалась своей внезапной вспышки, перевела дух с неким подобием облег-

чения. – Вы всегда были чертовски умны, Лариса. И уже догадались, конечно, что судьба ценностей, утаенных от Советской власти, так же как и судьба самой власти, меня волнует мало. За ваши с Хмельницким и Орловым делишки всех вас рано или поздно поставят к стенке, что меня тоже не волнует. А волнуют меня только бабочки Креза и их судьба.

– Бабочки Креза? – слабым голосом повторила Аглая, снова вперив взор на бабочек под стеклом.

Что за удивительная страсть к бабочкам припала вдруг этому человеку?! И при чем тут Крез, древний царь Лидии, прославленный своим баснословным богатством? Неужели он ловлей бабочек увлекался? И неужели могло стать, что его коллекция до сих пор сохранилась? Да ну, чепуха какая. И вообще, неизвестно, жил ли Крез на самом деле, может, он просто-напросто выдуман.

«А не слишком ли много мифологии, – угрюмо подумала Аглая. – Крез, Гектор... Какие-то детские игры!»

– Именно бабочки Креза, – подтвердил Гектор. – И только они. Вы сами знаете, что они – не только баснословные ценности, но прежде всего моя...

Мужчина не договорил. Послышался топот ног, потом звук распахнувшейся двери и крик Константина:

– Гектор! Приближается патруль. Они напали на наш след. Наверное, их навели те часовые, которые остановили нас на заставе.

– Чепуха, – быстро ответил Гектор. – Откуда на заставе могли узнать, куда вы едете? Ведь за вами не было слежки?

– Не было, точно! – уверенно подтвердил Константин.

– Об этом доме не знал никто, кроме своих, – задумчиво проговорил Гектор. – Кроме своих. Значит, нас кто-то предал!

– Там целый отряд всадников! – в комнату вбежал Федор. – Не патруль, а... Я не пойму кто. Но если мы не уйдем прямо сейчас, придется отстреливаться. Нас мало, не отобьемся!

– Хорошо, уходим, – спокойно сказал Гектор. – Седлайте лошадей. Нас трое и две женщины. Автомобиль придется бросить, к нему нужно горючее, а его больше нет.

Константин и Федор выбежали.

– Наташа, принеси ей что-нибудь из одежды! – крикнул Гектор. – Мы должны уходить, а ее куртка за версту видна.

Маленькая дверь, видная Аглае, открылась, и в комнату вбежала девушка. Ей было не более восемнадцати. С огромными голубыми глазами, с длинной пепельной косой, одетая в простенькую юбку и голубую ситцевую кофточку со сборками на талии и рукавчиками буф, она была невероятно красива, только очень испугана. Девушка держала очень бандитский и очень странно смотревшийся в ее руках обрез. При виде Аглаи испуг на ее лице сменился крайней степенью изумления. Она пробормотала:

– Что вы тут...

Но тут же осеклась, умолкла, мгновенно согнала с лица всякое выражение, положила на пол обрез, кинулась к шкафу и выхватила оттуда большой клетчатый черно-белый платок:

– Скорей! Снимите куртку и косынку! Ну!

– Наташа, возьми обрез и, если она начнет кричать или ослушается тебя, пристрели ее, – скомандовал Гектор, а потом звук закрывшейся двери возвестил о том, что он оставил женщин одних.

Аглая медленно расстегнула ремень, стащила куртку и косынку. Пальцы плохо слушались, она была испугана, причем даже не угрозой Гектора. В его голосе не было особой злости, к тому же для него слишком много значило то, что могла ему сказать Лариса Полетаева, чтобы он вот так, запросто, решился застрелить ее. Однако в голубых, потемневших от напряжения глазах Натальи таилось нечто, что подсказывало Аглае: девушка-то в любую минуту готова

угрозу претворить в действие... причем с удовольствием, только дай ей малейший повод. Вот она взяла обрез на изготовку, держа его весьма умело... Мгновенно вскинет к плечу, и...

Наконец Аглая сняла куртку и накрылась платком. Но если она ожидала, что Наталья хотя бы кивнет одобрительно, то ошибалась. Ее голубые глаза были по-прежнему полны ненависти. Интересно, что ж такое комиссарша Лариса Полетаева сделала Наталье, чтобы заслужить с ее стороны столь неистовые чувства? Она же ненавидит, ох как ненавидит Ларису Полетаеву!

Аглая почти не удивилась, когда раздался выстрел, удивилась только, что пуля попала не в нее. И вообще стреляла не Наталья... Ах да, стрельба за окном!

Выстрелы там трещали один за другим. В комнату ворвался Константин:

– Уходите! Гектор велел вам уходить! Наташа, уведи ее!

Голос его вдруг прервался. И вообще он был почему-то очень бледный... В следующую минуту Аглая поняла почему. Константин рухнул на пол, и кровь хлынула из его рта, а ноги задергались...

Наталья дико взвизгнула, а Аглая от потрясения ни звука не смогла издать.

Да, умер! Его убили!

* * *

Сказать, что у Алёны после ответа Натальи Михайловны язык прирос к гортани, – значит сказать очень мало, а то и почти ничего.

«Пойти и спросить...» Как это следует понимать? Пойти – в смысле, переместиться в тысяча девятьсот восемнадцатый год, найти неведомого (ни имя, ни фамилия его неизвестны!) человека и спросить у него, какое такое преступление против Советской власти он намерен совершить: преступление, за которое его поставят к стенке?

То есть машина времени все же сгодились бы?

Не слабая оперативная задачка! Не слабый такой заказец! А с другой стороны, кабы знать дорожку, по которой в прошлое можно пройти, Алёна непременно направилась бы по ней... Непременно!

Она растерянно хлопнула глазами. Наталья же Михайловна сохраняла редкостно невозмутимый вид.

– Видите ли, – проговорила она, – мы с мужем начинали поиски моего деда с областного архива, потом копались в государственном, а к спецхрану подобралась далеко не сразу. И вот когда – помнится, это произошло в тысяча девятьсот девяносто пятом году – нам удалось, так сказать, приобщиться к документам этой таинственной организации, мы наткнулись на фамилию Шведова.

– Шведова? – ахнула Алёна. – Того самого, который написал донос на Гавриила Конюхова? Вы нашли его донос?

Наталья Михайловна покачала головой:

– Я уже говорила, что доноса мы не нашли, он был кем-то изъят. А во-вторых, Шведов оказался не тем же самым. Его фамилия значилась не среди фигурантов архива, то есть людей, упомянутых в его материалах, а явно была случайно написана хранителем на этакой почеркушке, какие делаются, чтобы не забыть сделать то-то и то-то. Написал он, да и оставил нечаянно в одной из папок! На той почеркушке значилось: «*Заказать В.К. Шведову матер. о Полет. + №№№№... на 21.09.94*». Не стану обременять вашу память перечислением номеров единиц хранения, они не имеют значения. Но обратите внимание на год! Конечно, это другой Шведов. Но почти сто процентов – потомок предыдущего. Причем потомок, обладающий возможностями не только проникнуть в спецхран, но и изъять оттуда некоторые документы.

– Вы думаете, именно Шведов произвел зачистку архива? – спросила Алёна. – Он уничтожил всякую память о тех событиях?

– Совершенно убеждена, – кивнула Наталья Михайловна. – Убеждена прежде всего потому, что упомянутые единицы хранения исчезли.

– Да... – пробормотала Алёна. – Мощно!

– Что и говорить! – согласилась Наталья Михайловна.

– Наверное, тому, первому, Шведову так понравилось писать доносы, что он постоянно сотрудничал с НКВД, а потом и сына своего туда служить пристроил, – предположила Алёна.

– Мы с мужем тоже сначала решили именно так, – кивнула Наталья Михайловна. – И он специально проверил нашу версию. Среди сотрудников органов не было, вообразите, ни одного с фамилией Шведов, хотя сама по себе фамилия не столь уж редкая. Но – не было. Зато некоторое время назад во Франции начали публиковать материалы некоего Владимира Кирилловича Шведова. Они касались судьбы ценностей, конфискованных у нижегородцев после революции. А конфискацией занималась в тысяча девятьсот восемнадцатом году некая Лариса Полетаева, пламенная, так сказать, революционерка.

– Лариса Полетаева?! – так и ахнула Алёна. – Да ведь я о ней что-то читала... забытые героини революции и все такое. Вроде бы сначала была в окружении Ленина, работала в Гохране, а потом, году этак в восемнадцатом, то ли погибла в случайной перестрелке, то ли свои же ее и шлепнули – за избыточное революционное рвение. Словом, с тех пор история о ней умалчивала. Надо же, какое совпадение, она тезка вашей мамы. Неужели в честь Ларисы Полетаевой ее так назвали? Да нет, не может быть!

– Конечно, не может! – На лице Натальи Михайловны мелькнула обида. – Чтобы в честь какой-то кроваво-красной комиссарши маме имя дали? Как вам вообще такое в голову пришло! Просто-напросто бабушка очень любила пьесу Островского «Бесприданница», а фильм Якова Протазанова, снятый в тридцать седьмом году, с Ниной Алисовой в роли Ларисы, был ее любимым фильмом. Жаль, что она не дожила до выхода «Жестокое романса», он бы ее позабавил. Однако вернемся к нынешнему Шведову. Его зовут Владимир Кириллович. Инициалы человека, для которого заказывались материалы в спецхране, – тоже В.К. Я не имею возможности уточнить, для чего он приезжал из Франции и как вообще там оказался. Однако все меня интересующее может рассказать он сам. Рассказать вам!

«Она что, хочет отправить меня в командировку в Париж? – закружилась голова у Алёны. – Я согласна! Да! Конечно, только в том случае, если мадам оплатит поездку, ведь у меня сейчас нет на нее денег...»

И дивные картины Сакре-Кёр, Тюильри, Шампс-д...Элизе, авеню Опера, Лувра и прочих парижских красот, виденных Аленой не единожды и незабываемо пребывающих в памяти, так и поплыли, так и поплыли перед глазами, и голова пошла кругом от возможности, даже самой гипотетической, почти невероятной возможности увидеть вновь неземную красоту – увидеть вдруг, неожиданно...

– Причем вам не придется даже в Париж ехать, – развеял мечты голос Натальи Михайловны. – Потому что Владимир Кириллович Шведов находится сейчас в Нижнем.

– В самом деле? – пробормотала Алёна, падая на землю если и не с небес, то с высоты Эйфелевой башни и потирая место морального ушиба. – Откуда вы знаете?

– Я с ним виделась.

– Ого!

– Вот вам и ого, – Наталья Михайловна довольно уныло усмехнулась. – О его приезде я узнала совершенно случайно. Он прибыл в составе группы французских журналистов в наш Лингвистический университет. О гостях рассказывалось в новостях по какой-то программе телевидения. Я его увидела – высокий, элегантный, лет за шестьдесят. На француза не похож, на русского тоже. Вид у мужчины несколько англоязычный. И я решила с ним встретиться. Я вообще, честно говоря, человек непредсказуемый. Мама говорила, что и бабушка была совсем такая, что мы с ней очень похожи. Я узнала, что группа французов остановилась в

гостинице «Октябрьская», что на площади Нестерова, и просто пошла туда. Всю жизнь передо мной почему-то трепетали все администраторы... И в «Октябрьской» произошло то же самое – мне мгновенно сообщили, в каком номере проживает Шведов – в 534-м. Я поднялась на пятый этаж, постучалась. Он сначала решил, что я с факультета, где ему предстояло читать какую-то лекцию, но тут я развеяла его заблуждения. Мне не раз приходилось наблюдать, как прямой вопрос, заданный в лоб, выбивает почву из-под ног у людей, ну я и решила взять Шведова врасплох. Просто спросила, известно ли ему, что его отец писал доносы в НКВД и погубил мою семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.